

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XVII ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. В. МИЛОВА

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

§ 1. Первые политические объединения и государственные образования на землях восточных славян

Протогосударство на севере Восточной Европы

О контактах жителей Скандинавии — норманнов с восточными славянами, находившимися в этот период на стадии формирования политических образований и протогосударств, важные сведения содержит так называемая варяжская легенда, или «Сказание о призвании князей», дошедшее до нас в составе древнейших сохранившихся древнерусских летописных сводов. «Сказание» в легендарной форме сохранило сведения об образовании в лесной зоне Восточной Европы крупного политического объединения. В нем рассказывается о появлении в этой части Восточной Европы варягов — военных дружин жителей Скандинавии (норманнов), взимавших дань с восточнославянских племенных союзов кривичей и словен и соседних с ними угро-финских племен — мери и чуди. Они «дань даяху варягом от мужа по белей веверице» (т.е. по шкурке белки). Варяги «насиле даяху словеном, кривичем и мерям и чуди». Объединившись, они «всташа на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами себе». Обращают на себя внимание большие размеры возникшего политического объединения, внутри которого, несомненно, действовал управленческий механизм. Кривичи летописного рассказа — это славянское население района Пскова, словене — славянское население Приильменя, чудь — угро-финское население Приладожья, меря, по свидетельству летописи, жила в районе Ростовского озера, ее главным центром было Сарское городище. Таким образом, в состав этого разноэтничного объединения входили территории и на северо-западе, и на северо-востоке Европейской России.

Далее предание говорит о том, что между участниками объединения начались раздоры («всташа град на град и не беше в них правды»), и выход был найден в том, чтобы пригласить «из-за моря» князя, «иже бы владел нами и судил ны по праву» (в ином варианте — «по ряду», т.е. по договору). Из Скандинавии прибыли по приглашению с дружиной три брата — варяги.

Старший из них — Рюрик — сел князем в племенном центре словен в районе будущего Новгорода и стал родоначальником правившей затем в России княжеской династии.

Определенный комментарий к этим сообщениям и возможность определить, когда происходили описанные в них события, позволили дать результаты раскопок, произведенных на территории «Рюрикова городища» — поселения на острове у выхода реки Волхова из озера Ильмень в 2 км от Новгорода. Это поселение существовало примерно с середины IX в. и обладало всеми признаками протогородского центра. При его раскопках в толще славянского инвентаря были обнаружены многочисленные предметы скандинавского происхождения (оружие, украшения), в том числе и такие, которые связаны с отправлением характерных для Скандинавии религиозных культов (например, молоточки Тора на шейных гривнах). Есть основания видеть в этом поселении укрепление, резиденцию приглашенного племенами севера Руси князя и его норманнской дружины, хотя ряд ученых полагают, что поначалу недолгое время такой резиденцией была Старая Ладога. Древнерусские летописные своды однозначно утверждают, что центром жизни объединения словен издревле был Новгород. Исследователи выражают в этом сомнение, так как столь же ранних слоев, как на территории «Рюрикова городища», на территории Новгорода не обнаружено. Поэтому образование Новгорода относят к более позднему времени — X в. Почти полное отсутствие в ранних археологических слоях города скандинавских вещей (в отличие от «Рюрикова городища») говорит о том, что центр общественной жизни словен и их союзников формировался самостоятельно, независимо от княжеской резиденции, а это в свою очередь говорит об их самостоятельной позиции по отношению к князю. Тем самым получает подтверждение сообщение «Сказания», что князь поселился на «Городище» «по ряду», т.е. по соглашению с местным населением. В «Сказании» Рюрик выступает как настоящий правитель, обладающий полнотой судебной-административной власти. Но гораздо более вероятно, что он был в рамках этой государственной структуры военным вождем союза, чьей обязанностью было организовать защиту его территории, в том числе и от единоплеменников — варягов. В старых племенных центрах, таких как Сарское городище или Изборск, по-прежнему распоряжалась родоплеменная знать.

Зарождение древнерусской государственности и норманны

Присутствие на территории Восточной Европы в IX в. норманнов, их участие в создании здесь новых политических образований заставляет поставить вопрос, какова была роль норманнов в зарождении и формировании государственности на землях восточных славян и тесно связанных с ними в историческом развитии угро-финских племен. Этот

вопрос был предметом долгих и ожесточенных дискуссий в научной литературе XVIII—XX вв. Выдвигались полярные точки зрения — от утверждения, что Древнерусское государство образовалось благодаря завоеванию восточнославянских земель норманнами, до утверждения, что на территории Восточной Европы в IX в. норманнов вообще не было.

Выше были очерчены те перемены в социально-экономической жизни региона, которые создали предпосылки для социальной дифференциации общества и зарождения политических институтов. Эти сдвиги были результатом внутреннего развития местного общества, и норманны не имели к ним никакого отношения.

Нельзя утверждать и того, что норманны принесли в Восточную Европу представления о более развитом общественном устройстве, которые способствовали ускорению процессов внутреннего развития. Скандинавское общество и на исходе раннего Средневековья было гораздо более архаичным, сохранило намного больше черт родоплеменных отношений, чем общество древнерусское.

Роль норманнов станет понятнее, если принять во внимание, что зарождение новой социально-политической организации общества происходило в условиях острого соперничества двух «центров власти» — родоплеменной знати, обосновавшейся в центре племенного союза, с одной стороны, и военного предводителя — князя, опиравшегося на дружину, — с другой. Однако в суровых природно-климатических условиях, в отличие от центра Европы, процесс политико-экономического усиления того и другого центра власти был слишком замедленным. В условиях, когда ни одна из борющихся сил не могла одержать решающей победы, процесс становления нового общественного строя мог затянуться на длительное время, как это произошло в самой Скандинавии в эпоху раннего Средневековья. Приход отрядов норманнских воинов способствовал усилению роли и значения дружины в восточнославянском обществе, и благодаря этому на территории Восточной Европы этот конфликт в достаточно короткие исторические сроки был решен в пользу княжеской власти и дружины. Но сформировавшаяся в ходе этой борьбы княжеская дружина лишь частично была норманнской.

Следует иметь в виду, что во второй половине IX в. с распадом Каролингской империи основная масса выходцев из Скандинавии, стремившихся к социальному возвышению и получению добычи, устремилась в богатые страны Западной Европы. В этих условиях дружины норманнских предводителей могли пополняться только за счет местного славянского населения. Кроме того, дружина вовсе не была замкнутой группой, организованной по этническому принципу. Она являлась содружеством воинов, открытым для всех, кто был способен храбро сражаться на поле боя под руководством вождя. Судя по сообщениям саг, скандинавские правители, стремясь укрепить свою власть, добывались у представителей местной верхушки отдельных областей, чтобы те присылали

к ним в дружину своих сыновей. Норманнские военные вожди в Восточной Европе, чтобы завоевать авторитет и влияние в обществе, должны были действовать аналогичным образом. Княжеская дружина стала той силой, к которой начали присоединяться все общественные элементы, заинтересованные в изменении традиционного общественного строя, основанного на сосуществовании большого количества равноправных объединений соседей. Превращение дружины в господствующую социальную группу древнерусского общества имело важные исторические последствия. Только власть, опирающаяся на большую, хорошо организованную военную силу — дружину, могла решить задачу изъятия части ограниченного по своему объему прибавочного продукта для содержания непродовольственных групп населения у столь прочно консолидированных объединений соседей, которые сложились к этому времени в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Концентрация прибавочного продукта в руках дружины, использование его для решения различных важных не только для дружины, но и для общества в целом вопросов открыло перспективу для формирования на восточно-славянских землях более сложного общественного организма — государства.

§ 2. Образование Древнерусского государства. Русь в середине второй половине X в.

Образование Древнерусского государства

Как сообщают древнерусские летописи, в конце IX в. (летописи датируют это событие 882 г.) сидевший на «Рюриковом городище» князь Олег, собрав ополчение северных племен, направился на юг, устранил князей, сидевших в земле полян, и поселился в главном центре «Русской земли» — Киеве.

С именем Олега древнерусская традиция связывала подчинение власти князя, сидевшего в Киеве, соседивших с «Русской землей» восточнославянских племенных союзов — древлян, а также северян и радимичей, которые стали теперь платить дань Киеву, а не хазарам. Летописи сообщают также о предпринятом им большом походе на Византийскую империю. По преданию, когда Олег с 2000 кораблей подошел к Константинополю, греки оказались не в состоянии дать ему отпор и вынуждены были уплатить дань. В знак победы Олег водрузил свой щит на воротах византийской столицы. Сохранился и текст договора, который в сентябре 911 г. Олег заключил с византийским императором Львом VI. Преемником Олега стал Игорь, которого древнерусская традиция считает

сыном Рюрика. После продолжавшейся несколько лет войны он сумел подчинить своей власти племена уличей. По-видимому, в его княжение власть киевского князя распространилась и на землю бужан. В 941 г. Игорь предпринял большой поход на Византию, который закончился поражением русского войска в морском сражении с судами, вооруженными «греческим огнем» (горючим веществом на основе нефти). Сохранился и текст договора, который Игорь заключил в 944 г. с византийским императором Романом I Лакапином.

Хотя при занятии Киева Олег приказал убить местных князей, летописное предание ничего не говорит о его конфликте с полянами, раскопки также не выявили каких-либо следов разорения Киева на рубеже IX—X вв. Очевидно, в Киеве Олег утвердился в результате соглашения с местным населением. Однако власть Олега и его преемника Игоря была более значительной, чем власть военных предводителей IX в. Характерно, что, в отличие от своих предшественников, князь с дружиной поселился прямо на территории киевского «града». Договор с византийским императором в 911 г. заключался от имени «Олга, великого князя руского и от всех, иже суть под рукою его». К началу X в. власть киевского князя распространилась на большую часть восточнославянских земель. Так образовалось Древнерусское государство.

О том, что представляло собой Древнерусское государство в середине X в., позволяют судить не только немногие, достаточно краткие известия летописи и тексты договоров с Византией, но и описание Руси в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанном в 40—50-х гг. X в.

В структуре этого политического образования четко выделяются три разных части. Первая из них — это «Русская земля», в главном центре которой — Киеве — находилась резиденция «великого князя руского», стоявшего во главе Древнерусского государства. Вторую часть образовывал комплекс земель в северной части Восточной Европы, на которых располагались племена, заключившие в середине IX в. *ряд* — договор — с предком правившего в Киеве князя. В середине X в. на «Рюриковом городище» сидел как наместник князя Игоря его сын Святослав. Условия *ряда*, заключенного еще в IX в., по-видимому, соблюдались, подчинявшиеся Святославу племена должны были выплачивать дань Киеву, которой он делился с отцом. Дань собирали и передавали наместнику — сыну киевского князя новгородские бояре — господствующая верхушка Новгорода, главного центра этих земель. Одним из условий *ряда* было участие ополчений северных племен в военных походах киевских князей. Третью часть составляли подчиненные верховной власти киевского князя восточнославянские племенные союзы. В их внутреннюю жизнь киевские князья не вмешивались. Вероятно, здесь по-прежнему распоряжались делами местные князья и родоплеменная знать. Однако их население должно было

участвовать в военных походах киевских князей и давать им дань.

Княжеская дружина и ее роль в обществе

Как рассказывает Константин Багрянородный, поздней осенью, в ноябре князь вместе с дружиной направлялся из Киева в объезд (называвшийся *полюдьем*) «кормиться» по землям своей страны. Вплоть до начала апреля дружина объезжала эти земли. Поскольку Константин Багрянородный называет полюдье *кружением*, то процедура объезда могла и не сводиться к однократному объезду территории страны. Да и само полюдье длилось пять месяцев (до начала апреля). В «кружение» отправлялся не только князь, но по стране кружили и его воеводы, т. е. объезд был явно неоднократным и одним кормлением их действия, видимо, не ограничивались. Автор труда «Об управлении империей» разъясняет, что князь и дружинники объезжали земли восточнославянских племен — древлян, кривичей и т.п. Константин Багрянородный поясняет, что они являются «пактиотами» киевского князя, т. е. данниками Киева. Таким образом, во время полюдья, вполне возможно, не только кормились представители власти, но и изымались средства, составляющие своего рода бюджет государства. Конечно, основу «бюджета» составляли ценные шкуры пушных зверей (как сказано в летописи, дань брали «от дыма», т. е. очага, по «черне куне» — шкурке куницы).

В конце весны значительная часть собранной дани доставлялась в Киев, откуда направлялась на судах (у которых килем и нижней частью бортов служил ствол целого дерева, отсюда их греческое название — моносилы) по Днепру, а затем по Черному морю в столицу Византийской империи — Константинополь. Путь был долгим и трудным. Через днепровские пороги на почти стокилометровом промежутке суда проводили с большим трудом, высаживая людей и складывая товар на берег. Этим обстоятельством пользовались кочевники, нападавшие на караваны. Поэтому их постоянно сопровождали отряды дружинников. Константин Багрянородный называл такое путешествие «мучительным и страшным, невыносимым и жестоким плаванием». Договоры, заключенные с византийскими императорами, обеспечивали посланцам князя, доставившим в Константинополь меха, мед, воск и челядь (рабов, захваченных в военных походах), благоприятные условия для торговли в этом одном из крупнейших центров цивилизованного мира той эпохи. Для их проживания был выделен квартал у монастыря Св. Маманта в городском предместье. Они снабжались продовольствием на время пребывания и на обратный путь, а также могли получать недостающие детали корабельного снаряжения и освобождались от уплаты пошлин. Здесь в обмен на привезенные товары приобретали вино и фрукты, «драгое камень и узорчье», драгоценные шелковые ткани, которые в то время делались только в Византии. Путь, ведущий в Византию,

привлекал к себе главное внимание киевских князей, а затем и древнерусских летописцев, но наряду с ним важное значение имел другой сухопутный путь, который вел через Краков и Прагу в страны Западной Европы. Здесь в обмен на меха и рабов приобретали для дружинников франкские мечи, многие десятки которых найдены в ходе археологических раскопок на территории Восточной Европы. Арабское серебро, драгоценности и ткани из стран Востока приходили также в обмен на меха и рабов по Волжскому торговому пути. Эта «далекая» торговля должна была снабдить формирующуюся социальную элиту древнерусского общества всем тем, что ей не могло предоставить местное население.

Вся сумма фактов позволяет дать характеристику социального строя древнерусского общества того времени. Сложившееся на территории Восточной Европы политическое образование есть все основания охарактеризовать как государство, где правитель-князь выступает как равноправный партнер византийского императора. Общество это социально неоднородно. Как господствующая социальная группа в нем выступает дружина — сообщество вооруженных воинов, связанных с правителем клятвой верности. В осуществлении своей власти правитель опирается на дружину, а одной из важнейших задач его политики является удовлетворение потребностей дружинников.

Между интересами дружины и ее главы — князя — существовала тесная неразрывная связь, скреплявшаяся не только клятвой верности. Князя и дружину объединяла и далеко заходящая имущественная общность — общность группы людей, живущих совместно у одного очага — «огнища» (отсюда одно из наименований дружинников — «огнищане»). От князя дружинники получали одежду и оружие, питались с ним за одним столом в особом помещении — «гриднице» (от другого наименования дружинников — «гриди»). Остатки этой гридницы IX в. обнаружены археологами в Киеве у здания Государственного исторического музея Украины. Сюда постоянно доставлялись «множества от скота, мяс и от зверины». Дружина резко отличалась от остального населения не только своим питанием, в котором постоянно присутствовала редко доступная для обычных сельских жителей мясная пища, но и всем своим обликом и уровнем жизни. Арабский дипломат Ибн-Фадлан, посетивший в 20-х гг. X в. г. Болгар на Волге, описал похороны скончавшегося там богатого «руса». Он лежал на скамье, покрытой драгоценной византийской тканью, в кафтане из парчи с золотыми пуговицами и в собольей шапке.

В погребениях княжеских дружинников середины — второй половины X в. в так называемых срубных гробницах киевского некрополя обнаружены богатые наборы оружия и конской упряжи, в некоторых из них находились богато украшенные (в частности ожерельями из монет) скелеты женщин, убитых на могиле покойного. Весь этот образ жизни обеспечивал

дружинникам князь, отсюда их заинтересованность, чтобы его власть была как можно более сильной, а казна как можно более полной.

Кажущаяся самодовлеющей сила княжеской власти и полная зависимость от него дружины по сути являются итогом более широкого и фундаментального механизма власти, когда множество общинных миров, консолидирующихся в процессе самоорганизации в некий социум, передают все функции управления и защиты этих миров в руки высшей власти — власти князя.

В середине X в. дружина представляла собой довольно сложное целое. Так, известно, что у второго лица в государстве, воеводы Свенельда, была своя дружина, на содержание которой князь Игорь отдал было дань, собиравшуюся с земли древлян. Не все дружинники находились на пиру с князем в его гриднице. Часть дружины постоянно находилась в других укрепленных «градах» на территории «Русской земли», в частности в Чернигове. Погребения таких дружинников, аналогичные «срубным гробницам» киевского некрополя, обнаружены в Шестовицком могильнике, расположенном в 16 км от Чернигова. Кроме того, часть дружины располагалась в отдельных стратегически важных пунктах за пределами «Русской земли» — в Гнездове (в районе Смоленска) и в Тимиреве (в районе Ярославля). Эти отряды, очевидно, должны были обеспечить контроль киевских князей над путем «из варяг в греки» и Волжским торговым путем. Однако то, что княжеская дружина постепенно начала размещаться по различным центрам на территории Восточной Европы, не влияло на общий характер отношений дружинников и князя. Он оставался источником достававшихся им материальных благ и их опорой в окружении враждебного населения.

В составе дружины в первой половине X в. было еще много норманнов (примером может служить воевода Свенельд). Князь Игорь, его жена и племянники носили скандинавские имена. Но эти люди, уже долго жившие на Руси, были, по существу, частью русского общества. Характерно, что при заключении договора с Византией дружинники Олега клялись соблюдать договор именем не скандинавских, а славянских богов — Перуна и Волоса. В договоре Игоря с греками его послы носят не только скандинавские имена, но, предположительно, иранские, болгарские, тюркские, финские, славянские. О постепенной ассимиляции, в частности норманнов, местным славянским обществом говорит и появление славянских имен у ряда членов княжеской семьи — Володислав, Предслава, сын Игоря также носил славянское имя Святослав.

Дружина и население «Русской земли»

К сожалению, наши источники почти не содержат сведений о взаимоотношениях князя и дружины с населением «Русской земли» —

центральной части Древнерусского государства, и здесь приходится основываться на некоторых косвенных указаниях. Так, разбор сообщений Константина Багрянородного показывает, что значительная часть княжеской дружины находилась в Киеве с конца весны до начала осени. Очевидно, в это время дружину должно было содержать население «Русской земли». Некоторые важные сведения содержит летописный рассказ о действиях, предпринятых на этой территории княгиней Ольгой после смерти ее мужа Игоря. Летописец отметил, что она устроила «по всей земле» по Днепру и Десне (рекам, протекавшим через «Русскую землю») «ловища», «знаменья» и «перевесища». «Ловища» — места для ловли крупного зверя, «перевесища» — места для устройства перевесов — сетей для ловли птицы и мелкого зверя, «знаменья» — пограничные межевые знаки. Очевидно, из состава земель, которыми ранее распоряжались местные общины соседей, были выделены пригодные для охоты земли, на которых могли охотиться лишь князь и его дружинники, либо, что особенно важно, люди, специально выбранные для того, чтобы доставлять дичь для пиров в княжеской гриднице. Таким образом, к середине X в. княжеская власть стала уже настолько сильной, чтобы вмешиваться в своих интересах в повседневную жизнь населения «Русской земли».

При всей неполноте и отрывочности этих данных они дают основание полагать, что по отношению к «ядру» государства — «Русской земле» — власть киевского князя выступала как государственная власть, сила, регулировавшая отношения в обществе и организующая его защиту, а дружина была, по существу, одновременно и ядром военной силы, и административным аппаратом, вероятно, уже в то время осуществлявшим функции суда и управления. Иное следует сказать об отношениях между Киевом и платившими ему дань племенами.

Во внутреннюю жизнь подчиненных Киеву восточнославянских племенных союзов княжеская дружина не вмешивалась. Она сталкивалась с местным населением лишь во время полюдья. Размеры дани, вероятно, еще не были четко определены и во многом зависели от желания князя и его «мужей». Иногда это приводило к прямому насилию. Так, известно, что князь Игорь с дружиной собирал дань с древлян, хотя ранее она уже была собрана воеводой Свенельдом. Князь и дружинники явно смотрели на подчиненные племена как на источник средств на свое содержание, не считаясь с их собственными интересами. Неудивительно, что племенные союзы тяготились своей зависимостью от Киева и пытались воспользоваться любой ситуацией, чтобы отложиться от него. Как видно из сообщений летописи, каждая смена на киевском столе сопровождалась отпадением от Киева одного или нескольких племенных союзов. Во время восстания древлян, доведенных до отчаяния неоднократными поборами, был убит в 945 г. князь Игорь.

Восстание древлян было жестоко подавлено вдовой Игоря, княгиней

Ольгой. Центр земли древлян — Искоростень был взят штурмом и сожжен, местная знать уведена в плен, часть древлян истреблена, часть обращена в рабство. Ольга с дружиной объехала землю древлян, «уставляющи уставы и уроки», под последними следует понимать размеры дани и других повинностей. Были установлены «становища» — места, куда следовало свозить дань, и выделены «ловища» — охотничьи угодья, как это было уже сделано Ольгой на территории «Русской земли». Упоминания об «уставах» — нормах, регулировавших отношения, очень важны, есть все основания полагать, что такие «уставы» существовали в «Русской земле». Земля древлян была присоединена к ядру Древнерусского государства, но каких-либо изменений общего характера отношений между Киевом и подчиненными ему землями не произошло.

Князь-воин Святослав и его походы

Время правления сына Ольги Святослава (конец 50-х годов X в. — 972 г.) стало временем резкого усиления внешнеполитической активности Древнерусского государства. Далеко не самые благоприятные объективные условия существования древнерусского социума вынуждали правящую элиту принимать меры к расширению подвластной территории и увеличению массы налогоплательщиков. Расширение границ Древнерусского государства на восток привело к войне Святослава с хазарами в середине 60-х гг. X в.

В VIII—IX вв. основная территория Хазарского государства располагалась в низовьях Волги, где была его столица Итиль, и Дона. Владения хазар охватывали побережье Азовского моря, часть Крыма и Северный Кавказ. Одно время хазарам платили дань поляне, северяне, радимичи и вятичи, а также камские болгары, буртасы, черемисы и мордва. Хазары контролировали и Закаспий от Мангышлака до Аральского моря, то есть путь в Хорезм.

Могущество Хазарии ослабло к середине X в. Поэтому поход Святослава в конце 60-х гг. на Хазарию был успешным. Хазарское войско было разбито. По свидетельству летописи, Святослав разорил хазарскую столицу. Взяли русские войска и хазарскую крепость Саркел на Дону. Вероятно, тогда же в состав Древнерусского государства вошли земли на Таманском полуострове вместе с хазарской крепостью Таматархой, получившей в Древней Руси название Тмутаракани. Скорее всего, именно утверждая свою власть на Таманском полуострове, Святослав воевал с «ясами» — аланами и «касогами» — предками адыгских племен. После побед Святослава власти киевского князя подчинились и жившие в долине Оки вятичи, которые ранее платили дань хазарам. Хазарский каганат распался и перестал существовать. Обратной стороной этих побед стало усиление главных противников хазар — печенегов, которые стали вскоре опасными соседями Древнерусского государства.

Столь широкомасштабные и успешные действия князя-воина способствовали его славе. Древнерусский летописец дал ему примечательную характеристику: «...легко ходя, аки пардус [барс], воины многи творяше, ходя воз по себе не возяше, ни котыла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углях испек ядыше, ни шатра имяше, но подклад постилаше и седло в головах; тако же и прочии вой его вси бяху». Византийский хронист Лев Диакон, лично наблюдавший князя, описал и его яркую внешность: «Умеренного роста... с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатного рода; крепкий затылок, широкая грудь... но выглядел он угрюмым и диким. В одном ухе у него была вдета золотая серьга: она была украшена карбункулом и обрамлена двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой».

Византийский император Никифор Фока решил использовать мастерство и отвагу русского князя-воина против своего северного соседа, Болгарского государства. Болгария при царе Симеоне (893—927) стала сильнейшим в военном отношении государством, едва не взявшим штурмом Константинополь. При преемнике Симеона Петре Кротком Болгария ослабла, но была еще для Византии довольно опасной. В Киев Никифором Фокой было послано посольство во главе с Калокиром, предложившее Святославу отправиться с войском против придунайских болгар, и князь согласился.

В 968 г. Святослав появился на Дунае с десятитысячным войском. Болгары потерпели поражение. Войско Святослава заняло города на Дунае, сам Святослав поселился в Переяславце — Малом Преславе. У Византийской империи появился сосед, более могущественный и сильный, более опасный, чем болгарский царь. С этим византийские правители не могли примириться. Началась война между киевским князем и Византийской империей, находившейся в зените своего могущества.

Даже для такого государства, одной из великих держав тогдашней Европы, борьба с киевским князем оказалась достаточно сложным и трудным делом. Для ведения войны пришлось мобилизовать основные военные силы империи, перебросив в Европу войска из малоазийских округов. Но и в этих условиях византийский император Иоанн Цимисхий смог взять верх над противником, лишь внезапно нарушив заключенное перемирие и осадив весной 971 г. Святослава в городе Доростоле на Дунае. После долгих ожесточенных боев по договору, заключенному в июле 971 г., Святослав обязался покинуть Болгарию. По одному из условий соглашения византийская сторона снабдила хлебом 22 тыс. воинов киевского князя. На обратном пути войско Святослава разделилось. Основная часть во главе со Свенельдом направилась в Киев сухопутьем, а Святослав с небольшой

дружиной — на лодьях вверх по Днепру. У днепровских порогов Святослав погиб в бою с печенегами, которых на него натравили византийцы. По преданию, глава печенегов князь Куря заказал из черепа князя кубок для вина.

В летописи приводится рассказ о планах Святослава сделать столицей своего государства Переяславец на Дунае. Свое решение князь обосновывал тем, что сюда, на Дунай приходит из разных стран все, в чем нуждается дружина: «из Грек» — золото, шелковые ткани, вина и фрукты, из Венгрии — серебро и лошади, «из Руси же скоро (т.е. меха) и воск, мед и челядь (рабы)».

Во второй половине X в. дружина киевского князя, его зарождавшийся аппарат управления стали столь серьезной военно-политической силой, что оказались способными вести большую и длительную войну с самой Византийской империей, мобилизовав для участия в ней войско, насчитывавшее несколько десятков тысяч человек. Но связь дружины с «землей», страной, во главе которой она стояла, была еще недостаточно прочной, она могла еще серьезно обсуждать вопрос о своем переселении на другую территорию с более благоприятными условиями существования.

§ 3. Древняя Русь при Владимире и Ярославе Мудром

Отправляясь во второй поход на Балканы, Святослав посадил в Киеве своего старшего сына Ярополка, а второго сына, Олега, «посадил в деревьях», т. е. в Древянской земле. Третий сын Святослава, Владимир, несмотря на то, что был рожден ключницей Ольги Малушей, т. е. был «робичичем», был посажен в Новгород — важнейший экономический и стратегический центр государства. По мнению ряда исследователей, это «посаждение» объясняется тем, что мать Владимира была из знатной семьи, попавшей когда-то в плен к Рюриковичам. Брат Малуши Добрыня был влиятельной фигурой даже в Новгороде и, по преданию, расположил новгородцев к посаждению у них Владимира. Известен по имени и отец Малуши — Малко Любечанин.

Раздел страны между сыновьями — свидетельство несомненной сильной власти киевского князя на землях, прямо ему подчинявшихся. После гибели Святослава между его сыновьями началась борьба за власть. Начало этой драмы связано со случайной встречей на охоте Олега со знатым киевлянином Лютом Свенельдичем, которого Олег убил. По словам летописца, его поступок вызвал яростный гнев Ярополка. Фольклорная основа описанного эпизода несомненна. Однако несомненно и намерение Ярополка стать единственным владельцем страны, не считаясь с княжескими правами братьев-наследников, которые между тем укрепляли свою власть. Борьбу за единовластие Ярополк начал с похода на Олега, воины которого были разгромлены, а сам Олег погиб при бегстве. Владимир, сознавая

неизбежность нападения Ярополка, бежал за море, а киевский князь тут же прислал в Новгород своих посадников. Владимир вновь овладел Новгородом с помощью наемных варягов. Вскоре, согласно литературной традиции, состоялось его неудачное сватовство к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде, по всей вероятности, продиктованное желанием овладеть в будущем Полоцком. Отказ Владимиру, видимо, был связан с планом женитьбы на ней Ярополка. Новгородский князь отвечает на это захватом Полоцка, убийством Рогволода и двух его сыновей. Рогнеда становится одной из его жен. Трагическая борьба сыновей Святослава завершается длительной осадой и взятием Владимиром Киева, бегством и убийством Ярополка. Владимир становится киевским князем (978).

Таков был итог почти восьмилетней борьбы сыновей Святослава за власть над всей Русской землей, хотя каждый из них был обеспечен устремившимся на Дунай отцом княжением-посадничеством в выделенных им частях государства. Вероятнее всего, движущей силой в этой борьбе, и прежде всего для Ярополка и Владимира, было желание поставить под единый контроль взаимосвязанные между собой торговые трансконтинентальные магистрали от Балтики до Каспийского и Черного морей. Деление их на зоны экономически и политически не устраивало в ту эпоху ни того, ни другого князя.

Замечательный исследователь русского Средневековья академик А. А. Шахматов назвал Владимира «настоящим основателем» Древнерусского государства. Для такого утверждения были серьезные основания.

В правление Владимира, скончавшегося в 1015 г., был завершён процесс объединения восточнославянских племён под властью киевских князей. Если кривичи, жившие в районе Пскова и около Смоленска, довольно рано подчинились киевским правителям, то ветвь кривичей, заселявшая территорию современной Белоруссии (главным центром этой ветви был Полоцк) оставалась независимой. Как уже указывалось, Владимир сумел завоевать Полоцкую землю до своего вступления на киевский стол. Во время походов, предпринятых в 981 г., а затем в 992 г., власть Киева распространилась на население наиболее западных областей современной Украины вплоть до границы с Древнепольским государством (территория Червенских городов, включая Восточное Прикарпатье, где тогда жило одно из хорватских племён). Ещё отец Владимира Святослав подчинил своей власти племенной союз вятичей в бассейне реки Оки, но Владимиру пришлось в 981 г. снова ходить на них, когда они отделились от Киева после очередной смены на киевском столе. В 984 г. киевский князь усмирил радимичей.

Реальное слияние всех земель в единое целое

Ещё более важно, что в княжение Владимира произошли качественные

перемены в отношениях между Киевом и подчиненными ему землями. Внешне перемены нашли отражение в том, что на рубеже X—XI вв. многочисленные сыновья Владимира стали его наместниками на этих землях. Тем самым высший суд и управление переходили здесь в руки киевских наместников, которым должна была подчиняться местная верхушка. Важно, что посылке сыновей Владимира на княжение предшествовало решение о принятии Русью новой, христианской религии.

О значении этого события для международного положения Древнерусского государства и перемен в духовной жизни русского общества речь пойдет в другом месте. Здесь же важно отметить, что в языческой Руси (как и в других языческих странах Европы раннего Средневековья) религия была тесно связана со всей жизнью общества, так как все наиболее существенные ее проявления нуждались в религиозной санкции. Места совершения языческого культа были одновременно теми местами, где в присутствии богов, гарантировавших мир между участниками, собирались племенные собрания. Здесь племенная знать приносила богам жертвы, которые должны были обеспечить племени мир и урожай. Обладание этим правом было одним из источников ее силы и могущества. Поэтому утверждение на племенных территориях новой религии должно было привести к важным переменам в их жизни.

Конкретно представить себе, как протекали эти перемены, позволяют некоторые сведения о деятельности сына Владимира — Ярослава, которого отец послал в земли, расположенные на северо-востоке. Так, в сохранившемся в поздних списках сказании об основании Ярославля говорится о том, что на месте будущего города находился почитаемый окрестным населением «лютый зверь» — медведь. Люди, его почитавшие, «многи грабления и кровопролитие верным (т.е. христианам) твориша». Ярослав убил медведя, усмирил язычников и поставил на этом месте крепость, назвав ее своим именем. Сообщения «Сказания» получают определенное подтверждение в данных археологии, свидетельствующих о существовании почитания медведя в этих местах в эпоху раннего Средневековья.

Очевидно, на месте Ярославля находился центр языческого культа и племенных собраний местного населения. Местная верхушка не захотела принять христианство и подверглась репрессиям. На месте племенного центра появился опорный пункт княжеской власти — крепость Ярославль. Именно в это время, в начале XI в., прекратилась жизнь на поселении княжеских дружинников у Тимерева. Они, очевидно, переселились в новую крепость, откуда стали управлять окружающей территорией.

Не случайно именно в этот же период и в ряде других мест прекратилась жизнь старых племенных центров, на смену которым стали приходить новые центры — основанные княжеской властью крепости. Так, в начале XI в. прекратилась жизнь на Сарском городище и началось быстрое

развитие нового центра — Ростова, по имени которого земли со славянским и угро-финским населением на северо-западе Восточной Европы получили название Ростовской земли. Разумеется, смена старых центров новыми не была жестко детерминированной закономерностью, но проявляла себя как довольно явственная ведущая тенденция развития. В иных случаях старый центр сохранялся, но наместник киевского князя поселялся прямо на его территории. Так обстояло дело в Новгороде, где перемены были связаны с деятельностью Ярослава, перемещенного отцом с северо-востока на северо-запад. В отличие от своих предшественников Ярослав уже не жил на «Рюриковом городище», а устроил себе резиденцию в самом Новгороде, на «Ярославле дворище».

Все это означало важный шаг на пути к превращению слабо связанных с Киевом племенных территорий в единое государство с единой системой управления, подчиненной единому главе — киевскому князю.

На всей территории Древней Руси теперь существовали опорные пункты его власти — крепости, в которых размещались дружинники. Местная верхушка, вероятно, частично была уничтожена, частично влилась в ряды княжеской дружины. На рубеже X—XI вв. княжеская дружина стала господствующей социальной группой на всей территории Древнерусского государства.

Все эти перемены привели к изменению политики киевских правителей по отношению к племенным территориям, находившимся под их властью. Эти изменения можно проследить, рассматривая политику Владимира по отношению к тем из них, которые граничили с кочевым миром.

Меры Владимира по защите от кочевников

Вторая половина IX—X в. стали временем больших перемен в степной зоне Восточной Европы. Хазарский каганат сошел с исторической сцены. Под давлением племен узов печенежский союз племен, кочевавший за Волгой, в конце IX—первой половины X в. занял большую часть восточноевропейских степей между Волгой и Дунаем. По свидетельству Константина Багрянородного, печенежские племена, кочевавшие за Днепром, с наступлением весны перекочевывали на запад.

Первым следствием перемен стало затруднение связей между Древнерусским государством и Византией. Направлявшиеся в Константинополь суда с мехами, воском, рабами подвергались нападениям печенегов на всем пути от днепровских порогов до Дуная. Отношения печенегов с восточнославянскими землями не всегда были враждебными. По свидетельству Константина Багрянородного, «росы» покупали у печенегов коров, коней и овец. И все же такое соседство часто было опасным. По свидетельству того же автора, писавшего в середине X в., печенеги «грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб». Набеги

сопровождались захватом пленных и их продажей в рабство. И дело не ограничивалось отдельными набегами. В 968 г. печенеги попытались овладеть самим Киевом.

В княжение Владимира были приняты важные меры для борьбы с набегами кочевников: построены «грады» — крепости по рекам Десне, Трубежу, Суле, Стугне, протекавшим в значительной части по племенной территории северян. Для их заселения Владимир «поча нарубати мужи лучшие от словень и от кривичь и от вятич», т.е. из северо-западных и северо-восточных областей Древнерусского государства. Одновременно со строительством «градов» были построены протянувшиеся на сотни километров укрепленные линии — «валы» высотой около 3,5—4 м, окруженные глубоким, ровом. Немецкий миссионер Бруно Кверфуртский, направлявшийся в начале XI в. проповедовать христианство печенегам, записал, что он вышел в степь через ворота «в сильном и длинном ограждении, которым правитель русов окружил свою страну». Над созданием этих укрепленных линий должны были трудиться большие массы людей в течение длительного времени.

Как показывает этот пример, по отношению к земле северян Владимир выступает уже не как вождь дружины, озабоченный лишь ее пропитанием, а как правитель, организующий защиту живущего здесь населения. Очевидно также, что власть князя оказалась достаточно сильной, чтобы по своему усмотрению перемещать значительные группы населения (и в их числе представителей местной верхушки) из одного региона в другой и одновременно организовывать строительные работы большого размаха.

Вместе с тем вновь отметим проявление закономерности, о которой уже была речь при анализе событий эпохи Великого переселения народов. Значительную часть своих достаточно ограниченных ресурсов древнерусское общество было вынуждено расходовать на организацию защиты от соседствовавшего с ним кочевого мира.

Законодательная деятельность Владимира

Важные сведения о социально-политическом устройстве древнерусского общества содержат известия о законодательной деятельности Владимира.

В дохристианском языческом праве славян (как и в праве других варварских народов Европы) лицо, совершившее уголовное преступление, вплоть до убийства, наказывалось за это уплатой большого штрафа. Когда, после принятия Древней Русью христианства, количество таких преступлений стало возрастать, прибывшие из Византии епископы, носители иных правовых традиций, как рассказывается в летописи под 996 г., советовали Владимиру карать «разбойников» смертной казнью и членовредительскими наказаниями (отсечение носа, руки и др.), как это было

принято в Византии. Владимир так и поступил, и, очевидно, в связи с этим решением был выполнен древнерусский перевод «Эклоги» — византийского свода законов VIII в., содержавшего соответствующие нормы. Однако в дальнейшем, как рассказывает летопись, княжеская власть оказалась в трудном положении, так как в княжескую казну перестали поступать штрафы, на которые князь приобретал коней и оружие для дружинников. Тогда Владимир отказался от принятых решений и стал жить «по устроению отню и дедню». Он мог по своему усмотрению отменять старые, традиционные нормы права и устанавливать вместо них новые. Это показывает, что Владимир был уже не военным вождем племенного союза, а правителем народа, обладавшим всей полнотой власти. Кроме того, из этого рассказа ясно, что штрафы за преступления поступали в княжескую казну, а это значит, что и само отправление суда находилось в руках князя или назначенных им лиц. Так обстояло дело на территории «Русской земли» — Среднего Поднепровья уже при отце и деде Владимира, а в его княжение такой порядок распространился на всю территорию Древней Руси.

Важная часть законодательства Владимира была посвящена решению вопросов, возникших в связи с принятием новой христианской религии. С появлением такой новой для древнерусского общества социальной группы, как христианское духовенство, необходимо было установить источники его содержания и определить его положение в обществе. С деятельностью Владимира исследователи связывают принятие двух важных установлений. По первому из них на содержание церкви выделялась десятая часть княжеских доходов от дани, судебных и торговых пошлин. Второе передавало в ведение церкви все те дела, которые подлежали юрисдикции духовного суда по установлениям церковных канонов. Особо при этом подчеркивалось, что на суд церкви передаются дела о браке, нарушениях принятых в христианском обществе норм семейных отношений. Эти установления сохранились в составе так называемого «Устава Владимира», текст которого дошел до нас в поздних обработках XIII—XV вв., где законы Владимира были дополнены установлениями его не названных по имени преемников. Законы эти Владимир установил, «сгадав... со своею княгинею Анною и со своими детми», т.е. не советуясь даже с дружиной.

Княжеская власть и крещение Руси

Важные сведения о положении княжеской власти в Древней Руси на рубеже X—IX вв. содержит и летописное повествование о крещении Руси. В предгосударственных структурах смена религии могла произойти лишь по решению высшего органа власти — народного собрания. Только по решению такого собрания произошло, например, в VI в. крещение франков. Одной воли военного главы для этого было недостаточно. Так, современник Владимира, принявший христианство в Англии норвежский конунг Хакон не

только не смог добиться решения народного собрания о смене религии, но по требованию его участников был вынужден приносить жертвы богам, чтобы обеспечить стране мир и плодородие. В обширном рассказе о крещении Руси народное собрание вообще не упоминается. Решение принимает князь вместе с дружиной, а население Киева идет креститься на реку по его приказу.

Все сказанное позволяет сделать общий вывод, что в конце X — начале XI в. Древняя Русь из совокупности территорий, слабо связанных со своим центром, стала превращаться в относительно единое государство с единой общественной организацией, едиными порядками управления и нормами права на всей его территории.

Понятие «Русская земля», относившееся ранее только к политическому центру государства — Среднему Поднепровью, теперь все чаще начинает обозначать совокупность всех земель, находящихся под прямой властью киевских правителей.

В этот период времени произошла ликвидация (или существенное ослабление) находившихся на этих землях традиционных догосударственных институтов и окончательно утвердилась власть правителя, не зависевшего от широких масс населения — членов сельских соседских общин, а господствовавшего над ними, опираясь на поддержку дружины, осуществлявшего управление страной, опираясь на сеть укрепленных крепостей-«градов».

Рубеж X—XI вв. — это также время, когда определилось положение Древней Руси в мире в связи с принятием новой христианской религии из Византии. В первые годы княжения Владимир попытался приспособить к новым общественным условиям традиционную языческую религию. В Киеве на холме «у двора теремного» были поставлены статуи ряда языческих богов. Вероятно, выбрав этих богов из совокупности божеств, почитавшихся разными восточнославянскими племенами, киевский князь хотел утвердить их почитание на всей территории Древнерусского государства. Особое место в этом пантеоне занял Перун, статуя которого была украшена серебряной головой с золотыми усами, который к этому времени приобрел черты бога — покровителя князя и его дружины, приносившего победу их оружию. Однако держаться старого вероисповедания было невозможно, когда в соседних государствах утверждались мировые религии — ислам и христианство в двух сложившихся к тому времени вариантах, восточном, православном, и западном, католическом.

По свидетельству древнерусской традиции, которая находит подтверждение в некоторых известиях, исходящих из мусульманского мира, Владимир и его дружина в конце 80-х гг. X в. приняли решение о смене веры после длительного обсуждения и переговоров со странами, принадлежащими к разным вероисповеданиям.

Решение принять христианство в его восточном, православном варианте из Константинополя, несомненно, было связано с желанием

сохранить важные для социальной элиты связи, установившиеся в предшествующие годы, но не меньшее значение имел престиж Византийской империи, находившейся в то время в зените могущества и являвшейся носителем наиболее высоких в христианском мире культурных традиций. Наиболее могущественные государи католической Европы — правители восстановленной Римской империи Оттоны добивались в это время заключения брачных связей с византийским двором и стремились подражать византийским традициям.

В середине 80-х гг. X в. Византийская империя и ее глава император Василий II оказались в сложном и опасном положении. Византия потерпела ряд серьезных неудач в борьбе с Первым Болгарским царством, а в Малой Азии начались мятежи недовольной императором крупной знати. Особенно опасным было восстание Варды Фоки, войска которого, заняв большую часть Малой Азии, угрожали Константинополю. Яхья Антиохийский записал о положении императора: «И стало опасным дело его... истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов... чтобы просить их помочь ему». Византийское посольство прибыло в Киев в 987 г. По соглашению между киевским князем и императором их союз скреплялся браком Владимира и сестры Василия II Анны, а Владимир и все жители Руси должны были принять христианство. Во исполнение условий договора Владимир послал в Константинополь шеститысячное войско, которое помогло Василию II победить мятежников.

В следующем, 988 г. Владимир ходил к днепровским порогам, очевидно, чтобы встретить там невесту из Византии. Долгое время 988 год считался тем годом, когда произошло крещение Руси. В действительности это событие состоялось годом позже. Император, когда критическая ситуация миновала, не стал торопиться с исполнением условий соглашения. Тогда в 989 г. Владимир направился с войском в Крым и осадил главный опорный пункт византийской власти на полуострове — Херсонес. Согласно русской летописи, город упорно сопротивлялся, но вынужден был сдаться, когда были разрушены подземные трубы, снабжавшие его водой. После этого Василий II вынужден был прислать сестру в Херсонес. Здесь состоялось крещение Владимира и его дружинников, а затем и его брак с Анной.

Тот факт, что крещение из Византии произошло на почетных для киевского князя условиях, так как сопровождалось заключением в 989 г. брака Владимира с принцессой Анной, недвусмысленно свидетельствует о силе и значении Древнерусского государства в Европе. Тем самым Владимир сразу занял высокое место в иерархии правителей византийского круга. На чеканенных им монетах — «серебрениках» Владимир изображен в императорских одеждах и с нимбом вокруг головы, как обычно изображали императоров.

Принятое решение имело ряд важных последствий. Так, оно способствовало дальнейшему укреплению и расширению уже традиционных

связей с Византией, а также развитию связей с южнославянскими народами, находившимися в орбите византийского культурного влияния. Вместе с тем, поскольку соседствующие с Русью кочевые племена сохраняли приверженность своим языческим верованиям, антагонизм между Киевской Русью и кочевым миром, сложившийся на иной почве, приобрел дополнительно религиозную окраску. Походы против нападавших на русские земли кочевников стали рассматриваться как проявление борьбы между христианским и языческим миром. Принятие Русью христианства наложило свой отпечаток и на ее взаимоотношения с миром ислама, но проявилось это лишь в достаточно отдаленном будущем, так как единственным мусульманским государством, с которым граничила Киевская Русь, была принявшая ислам в первой половине X в. Волжская Болгария.

Принятие христианской религии было важным шагом не только в культурной (о чем речь пойдет ниже), но и в социальной жизни древнерусского общества. Важнейший постулат христианства исходил из принципа божественной природы земной власти («нет власти не от Бога»). Постулат православия о «симфонии властей» превращал церковь в сильную опору власти, давая возможность духовного объединения всего государства и освящения всей системы общественных отношений («Всякая душа да будет покорна высшим властям»). Новая религия, сформировавшаяся в условиях развитого классового общества, пришла на смену языческим верованиям и обычаям, в которых сохранялись еще многие традиции, характерные для догосударственного родоплеменного общества. Это способствовало более быстрому укреплению и государственных институтов, и нового общественного строя, для которого было характерно подчинение сельских общин власти дружины. Принятие христианства способствовало и укреплению государственного единства, так как на смену пестрому многообразию локальных языческих культов пришла одна, определяемая четкой системой единых норм религия, а ее служители в своей деятельности подчинялись единому центру, тесно связанному с княжеской властью.

Русь и ее соседи при Владимире

К княжению Владимира относятся первые свидетельства о контактах с целым рядом стран и народов — соседей Древнерусского государства. Этим временем датируются первые свидетельства об установлении зависимости угро-финских и балтских племен Прибалтики от Древнерусского государства. Так, в саге о современнике Владимира Олафе Трюгвассоне, попавшем в плен к разбойникам, говорится, что его освободил княжеский муж, ездивший для сбора дани в землю эстов. Со стремлением укрепить влияние Древнерусского государства в этом регионе был связан поход, предпринятый Владимиром в 983 г. против ятвягов.

С западными соседями — Венгрией и Польским государством

отношения были мирными. Сына Святополка около 1009—1010 гг. Владимир женил на дочери польского короля Болеслава Храброго. Позднее, когда Святополк был заподозрен в заговоре против отца и заключен в тюрьму, эти отношения осложнились.

После крещения Владимира и его брака с Анной между Византией и Русью на длительный период установились союзные отношения. Херсонес был возвращен императору, а присланное Владимиром войско участвовало затем в целом ряде войн, которые вела Византия. Об удельном весе этого войска в составе византийской армии говорит тот факт, что после одной из побед русский корпус получил треть военной добычи.

На восточных границах продолжалась борьба с кочевниками. В летописях сохранился целый ряд рассказов о сражениях войска Владимира с печенегами. С утверждением власти киевского князя над землями вятичей встал вопрос об укреплении позиций Руси на Волжском торговом пути. В 985 г. Владимир, посадив войско на суда, предпринял поход на волжских болгар. Судя по сообщению летописи, поход был удачным, но войско Владимира столкнулось с сильным противником. Вероятно, стороны разграничили сферы своего влияния, и в дальнейшем долгое время отношения Руси и Волжской Болгарии оставались мирными.

Борьба за киевский стол после Владимира

Еще задолго до своей кончины Владимир, как сообщает летопись, посадил большинство своих сыновей по городам: старшего Вышеслава — в Новгороде (потом его сменил Ярослав, первоначально посаженный в Ростове), Изяслава — в Полоцке, Святополка — в Турове, Бориса — в Ростове, Глеба — в Муроме, Святослава — в Древлянской земле, Всеволода — во Владимире, Мстислава — в Тмутаракани. Как и во времена Святослава, они были князьями-посадниками, выполняя роль наместников. Как и Святослав, Владимир не оставил официального завещания, но фактически он обеспечивал им будущее.

После смерти Владимира 15 июля 1015 г., через 37 лет после вокняжения в Киеве, между его сыновьями началась борьба за власть. Старший из братьев, Святополк, сумел после смерти отца захватить власть в Киеве, стремясь стать единовластным правителем, стал убивать своих братьев — Бориса, Глеба, Святослава, но потерпел поражение в борьбе с сидевшим в Новгороде Ярославом. Эта победа не положила конца усобице, так как изгнанный из Киева Святополк стал искать поддержки у печенегов и польского короля Болеслава Храброго, который в 1018 г. снова вернул его на киевский стол. Лишь в 1019 г. Ярославу удалось утвердиться на киевском столе. В условиях усобиц отложилось как особое княжество Полоцкая земля, в которой стали править потомки сына Владимира, Изяслава. Подчинить Полоцкую землю своей власти Ярославу не удалось. А затем с притязаниями

на киевский стол выступил сын Владимира Мстислав, княживший в Тмутаракани. Нанести поражение Мстиславу Ярослав не смог, и в 1026 г. братья поделили между собой территорию Древнерусского государства, границей между их владениями стал Днепр. Лишь в 1036 г. после смерти Мстислава Ярослав сумел собрать под своей властью все основные территории Древнерусского государства. Ярослав не был талантливым полководцем, в борьбе с противниками он неоднократно терпел поражения. В историю Древней Руси он вошел как выдающийся государственный деятель, законодатель, строитель, украсивший Киев новыми стенами и многими храмами, покровитель книжников и собиратель книжных богатств.

«Русская Правда»

По инициативе Ярослава был создан первый письменный сборник законов — «Русская Правда» (по мнению одних исследователей, это была первая часть «Краткой Правды», по мнению других — ко времени Ярослава восходит весь основной текст «Краткой Правды», в котором содержится ряд вставок, восходящих к законодательству его сыновей).

При сопоставлении со сходного характера памятниками других европейских народов («варварскими правдами») выявляются важные особенности древнерусского сборника законов. Если «варварские правды» представляют собой запись норм традиционного обычного права, хотя и осуществленную при участии носителей власти, то «Русская Правда» выступает перед нами как памятник княжеского законодательства («Суд Ярославль Володимерича»). Обращает на себя внимание и очень небольшой объем сборника по сравнению с другими «варварскими правдами», очевидно, в его состав входили лишь новые нормы права, установленные княжеской властью, или те традиционные нормы, которые по каким-то причинам нуждались в особой санкции со стороны этой власти.

Уже в первой статье сборника устанавливалось, что одинаковый штраф за убийство следует уплачивать и если убитый — «русин» (житель «Русской земли» — Среднего Поднепровья), и если он «словенин», т.е. принадлежит к союзу «словен» на севере Восточной Европы. Если нормы традиционного племенного права распространялись только на членов данного племенного союза, то законодательство Ярослава устанавливало единые нормы права для всего населения Древнерусского государства.

Устанавливавшиеся в сборнике княжеских законов нормы штрафов за увечья и телесные оскорбления определяли размер сумм, которые вносились преступником в княжескую казну. Штрафы были значительными — за убийство следовало платить 40 гривен, такой же штраф назначался, если после удара мечом «отпадет рука любо усохнуть», за удар рукою или палкой следовало уплатить 12 гривен. Размеры наиболее крупных штрафов были так значительны, что обыкновенный человек — член соседской общины

выплатить их был не в состоянии. Возмещение в пользу потерпевшего, судя по более поздним данным, было гораздо более скромным. Важной частью законодательства Ярослава стал так называемый «Покон вирный», в котором определялись размеры корма, который население должно было давать сборщикам княжеских штрафов. Сборщик штрафов — вирник должен был получать в неделю 7 ведер солода, тушу барана, по две курицы в день, а хлеба «по кольку могут ясти». Принятие такого установления говорит, что носитель государственной власти стремился сохранить социальную стабильность в обществе, не допускать возникновения острых конфликтов между собиравшими штрафы дружинниками и подчиненным им населением.

Став киевским князем, Ярослав продолжал свои усилия по распространению христианской религии по всей территории государства. Составители летописного некролога этому правителю видели в этом его основную заслугу. В главных центрах страны — Киеве и Новгороде были построены сохранившиеся до наших дней каменные соборы, посвященные св. Софии, как и главный христианский храм столицы Византийской империи — Константинополя. По свидетельству летописи, Ярослав строил христианские храмы «по градом и по местом, поставляя попы и дая им от имения своего урок, веля им учити люди». Им были основаны и первые монастыри.

В конце своего правления Ярослав издал «Устав», в котором за нарушение церковных канонов устанавливались значительные денежные штрафы в пользу епископа; кроме того, в ряде случаев нарушители должны были подвергаться наказаниям и со стороны светской власти. Кары устанавливались прежде всего за нарушение норм семейных отношений, принятых в христианском обществе: за похищение будущей жены по языческому обычаю, за самовольный развод, за брак между близкими родственниками. «Устав» запрещал мужу оставлять больную жену. Текст «Устава Ярослава» сохранился лишь в поздних обработках XIII—XV вв.

Во время правления Ярослава Русь окончательно заняла видное, почетное место в содружестве государств христианской Европы. Об этом наглядно говорят брачные связи самого Ярослава Мудрого и членов его семьи. Женой Ярослава была дочь шведского короля Ингигерд — Ирина, его старший сын Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира, другой сын, Всеволод — на дочери византийского императора Константина IX Мономаха, дочери Ярослава вышли замуж за королей Венгрии, Норвегии и Франции.

§ 4. Распад Древнерусского государства

Древнерусское государство, как оно сложилось при Владимире,

просуществовало недолго. К середине XI в. начался его постепенный распад на ряд самостоятельных княжеств.

В древнерусском обществе эпохи раннего Средневековья отсутствовало общее понятие «государство». В общественном сознании, конечно, существовало представление о «Русской земле» как особом политическом целом, но такое «государство» неразделимо сливалось с физической личностью носителя высшей власти — князя, являвшегося по сути монархом. Монарх и был для людей того времени реальным воплощением государства. Такое представление, вообще характерное для обществ раннего Средневековья, было особенно прочным в Древней Руси, где князь-правитель выступал как организатор и распределитель производившихся обществом материальных благ. Монарх распоряжался государством, как отец семьи распоряжается своим хозяйством. И как отец делит свое хозяйство между сыновьями, так киевский князь делил между сыновьями территорию Древнерусского государства. Так поступил, например, отец Владимира, Святослав, разделивший свои земли между своими тремя сыновьями. Однако не только в Древней Руси, но и в ряде других государств раннего Средневековья такие распоряжения первоначально не вступали в силу, и всей полнотой власти овладевал обычно самый сильный из наследников (в конкретном случае с наследниками Святослава — Владимир). Не исключено, что на том этапе становления государства экономическая самостоятельность могла быть лишь при условии единого контроля Киевом всех основных путей трансконтинентальной торговли: Балтика — Ближний и Средний Восток, Балтика — Черное море. Поэтому княжеская дружина, от которой в конечном итоге зависела судьба Древнерусского государства, выступала за сильную и единоличную власть киевского князя. С середины XI в. развитие событий пошло в другом направлении.

Соправители-Ярославичи

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. сложилась довольно сложная политическая структура. Главными наследниками князя стали три его старших сына — Изяслав, Святослав и Всеволод. Между ними были поделены главные центры исторического ядра государства — «Русской земли» в узком смысле слова: Изяслав получил Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль. Под их власть перешел и ряд других земель: Изяслав получил Новгород, Всеволод — Ростовскую волость. Хотя в летописях рассказывается, что Ярослав сделал главой княжеской семьи своего старшего сына Изяслава — «в отца место», в 50—60-х гг. три старшие Ярославича выступают как равноправные правители, совместно управляющие «Русской землей». Вместе на съездах они принимали законы, которые должны были действовать на всей территории Древнерусского

государства, вместе предпринимали походы на соседей. Другие члены княжеского рода — младшие сыновья Ярослава и его внуки сидели в землях наместниками старших братьев, которые перемещали их по своему усмотрению. Так, в 1057 г., когда умер Вячеслав Ярославич, сидевший в Смоленске, старшие братья посадили в Смоленске его брата Игоря, «выведя» его из Владимира Волынского. Ярославичи совместно добились некоторых успехов: они нанесли поражение узам — «торкам», сменившим в восточноевропейских степях печенегов, сумели завоевать Полоцкую землю, отложившуюся от Древнерусского государства при Ярославе под властью потомков другого сына Владимира — Изяслава.

Борьба между членами княжеского рода

Однако сложившееся положение вызывало недовольство обделенных властью младших членов рода. Убежищем недовольных всё чаще становилась крепость Тмутаракань на Таманском полуострове. К этому добавились конфликты между старшими братьями: в 1073 г. Святослав и Всеволод согнали Изяслава с киевского стола и поделили по-новому территорию Древнерусского государства. Количество недовольных и обиженных росло, но имело значение то, что они стали получать серьезную поддержку населения. Когда в 1078 г. ряд младших членов княжеского рода подняли мятеж, они сумели занять один из главных центров Древнерусского государства — Чернигов. Население «града» даже в отсутствие своих новых князей отказалось открыть ворота войскам киевского правителя. В битве с мятежниками на Нежатиной ниве 3 октября 1078 г. погиб Изяслав Ярославич, сумевший к этому времени вернуться на киевский стол.

После смерти Изяслава и Святослава, скончавшегося в 1076 г., киевский стол занял Всеволод Ярославич, сосредоточивший под своею непосредственной властью большую часть земель, входивших в состав Древнерусского государства. Политическое единство государства тем самым сохранилось, но через все правление Всеволода протянулся ряд мятежей его племянников, добивавшихся для себя княжеских столов или стремившихся ослабить свою зависимость от Киева, обращаясь подчас за помощью к соседям Руси. Старый князь неоднократно посылал против них войска во главе со своим сыном Владимиром Мономахом, но в конце концов был вынужден пойти на уступки племянникам. «Сей же, — записал о нем летописец, — омиря их, раздаваше власти им». Киевский князь был вынужден идти на уступки, так как выступления младших членов рода встречали поддержку населения на местах. Однако племянники, даже получив княжеские столы, оставались наместниками дяди, который мог эти столы и отобрать по своему усмотрению.

Новый, еще более серьезный кризис традиционных политических структур разразился в начале 90-х гг. XI в., когда после смерти в 1093 г.

Всеволода Ярославича Олег, сын Святослава Ярославича, потребовал возвращения наследия его отца — Чернигова и обратился за помощью к кочевникам — половцам, вытеснившим торков из восточноевропейских степей. В 1094 г. Олег пришел с «Половецкой землей» к Чернигову, где после смерти Всеволода Ярославича сидел Владимир Мономах. После 8-дневной осады Владимир с дружиной вынужден был покинуть город. Как он вспоминал впоследствии, когда он с семьей и дружиной ехал через половецкие полки, половцы «облизахутся на нас акы волци стояще». Утвердившись с помощью половцев в Чернигове, Олег отказывался участвовать вместе с другими князьями в отражении половецких набегов. Так создавались благоприятные условия для половецких вторжений, усугублявших бедствия междоусобной войны. В самой Черниговской земле половцы беспрепятственно брали полон, и, как замечает летописец, Олег им не препятствовал, «бе бо сам повелел им воевати». Под угрозой нападения оказались главные центры «Русской земли». Войска хана Тугоркана осаждали Переяславль, войска хана Боняка разорили окрестности Киева.

Княжеские съезды. Единство Руси при Владимире Мономахе

В 1097 г. в Любече на Днепре собрался съезд князей — членов княжеского рода, на котором были приняты решения, означавшие важнейший шаг на пути к разделу Древнерусского государства между членами княжеской династии. Принятое решение — «каждо да держит отчину свою» означало превращение земель, находившихся во владении отдельных князей, в их наследственную собственность, которую они могли теперь свободно и беспрепятственно передавать своим наследникам.

Характерно, что в сообщении летописи о съезде было подчеркнуто, что «вотчиной» становятся не только земли, полученные сыновьями от отцов, но и «города», которые «раздаял Всеволод» и где младшие члены рода были до этого лишь княжескими наместниками.

Правда, и после решений, принятых в Любече, определенное политическое единство земель, входивших в состав Древнерусского государства, сохранялось. Неслучайно на Любечском съезде говорилось не только о признании за князьями прав на их «вотчины», но и об общей обязанности «блюсти» Русскую землю от «поганых».

Сохранившиеся еще традиции политического единства находили выражение на собиравшихся в первые годы XII в. междукняжеских съездах — на съезде 1100 г. в Витичеве за совершенные преступления по общему решению участников съезда был лишен стола во Владимире Волынском князь Давыд Игоревич, на съезде 1103 г. в Долобске было принято решение о походе русских князей на половцев. Во исполнение принятых решений последовал целый ряд походов с участием всех главных русских князей (1103, 1107, 1111 гг.). Если во время междукняжеских смут 90-х гг. XI в.

половцы разоряли окрестности Киева, то теперь, благодаря совместным действиям князей, половцам были нанесены серьезные поражения, а русские князья сами стали предпринимать походы в степь, дойдя до половецких городов на Северском Донце. Победы над половцами способствовали росту авторитета одного из главных организаторов походов — переяславского князя Владимира Мономаха. Таким образом, в начале XII в. Древняя Русь по отношению к соседям еще выступала как единое целое, но уже в это время отдельные князья самостоятельно вели войны с соседями.

Когда в 1113 г. киевский стол занял Владимир Мономах, под властью которого оказалась значительная часть территории Древнерусского государства, была предпринята серьезная попытка восстановить прежнее значение власти киевского князя. «Младших» членов княжеского рода Мономах рассматривал как своих вассалов — «подручников», которые должны были ходить в походы по его приказу и в случае неповиновения могли лишиться княжеского стола. Так, князь Глеб Всеславич Минский, который «не покарашется» Мономаху даже после похода войск киевского князя на Минск, в 1119 г. утратил княжеский стол и был «приведен» в Киев. Утратил свой стол за неподчинение Мономаху и владими́ро-волы́нский князь Ярослав Святополчич. В Киеве в правление Мономаха был подготовлен новый сборник законов «Пространная Правда», столетиями действовавший на всей территории Древнерусского государства. И все же реставрации прежних порядков не произошло. В княжествах, на которые разделилось Древнерусское государство, правило уже второе поколение правителей, на которых население уже привыкло смотреть как на наследственных государей.

Политику Мономаха на киевском столе продолжал его сын Мстислав (1125—1132). Он еще более сурово карал членов княжеского рода, отказывавшихся выполнять его приказы. Когда полоцкие князья не захотели принять участие в походе на половцев, Мстислав собрал войско со всей территории Древнерусского государства и в 1127 г. занял Полоцкую землю, местные князья были арестованы и сосланы в Константинополь. Однако достигнутые успехи были непрочны, так как основывались на личном авторитете обоих правителей, отца и сына.

Завершение политического распада Древнерусского государства

После смерти Мстислава на киевский стол вступил его брат Ярополк, распоряжения которого натолкнулись на противодействие черниговских князей. Ему не удалось привести их к покорности. Мир, заключенный после продолжавшейся несколько лет войны, отразил упадок значения власти киевского князя как политического главы Древней Руси. В конце 40-х — начале 50-х гг. XII в. киевский стол стал объектом борьбы двух враждебных союзов князей, во главе которых стояли Изяслав Мстиславич волы́нский и

правитель Ростовской земли Юрий Долгорукий. Коалиция во главе с Изяславом опиралась на поддержку Польши и Венгрии, а другая, во главе с Юрием Долгоруким, искала помощи у Византийской империи и половцев. Известная стабильность междукняжеских отношений под верховным руководством киевского князя, относительно единая политика по отношению к соседям ушли в прошлое. Междукняжеские войны 40—50-х гг. XII в. стали завершением политического распада Древнерусского государства на самостоятельные княжества.

Причины феодальной раздробленности

Древнерусские летописцы, рисуя картину политического распада Древнерусского государства, объясняли происходящее кознями дьявола, которые привели к падению норм морали между членами княжеского рода, когда старшие стали угнетать младших, а младшие перестали почитать старших. Историки, пытаясь найти ответ на вопрос о причинах распада Древнерусского государства, обращались к историческим аналогиям.

Особый период феодальной раздробленности имел место не только в истории Древней Руси. Через такой этап исторического развития прошли многие страны Европы. Особое внимание ученых привлекал к себе политический распад Каролингской империи — наиболее крупного государства в Европе раннего Средневековья. Западная часть этой державы на протяжении второй половины IX—X в. превратилась в пеструю мозаику из многих слабо связанных между собой крупных и мелких владений. Процесс политического распада сопровождался крупными социальными сдвигами, превращением ранее свободных общинников в зависимых людей крупных и мелких сеньоров. Все эти мелкие и крупные владельцы добивались и успешно добились от государственной власти передачи им административно-судебной власти над зависимыми людьми и освобождения своих владений от уплаты налогов. После этого государственная власть оказалась фактически бессильной, и сеньоры-землевладельцы перестали ей подчиняться.

В отечественной историографии длительное время полагали, что распад Древнерусского государства произошел в результате аналогичных социальных сдвигов, когда дружинники киевских князей стали землевладельцами, превратившими свободных общинников в зависимых людей.

Действительно, источники конца XI—XII в. свидетельствуют о появлении у дружинников своих земельных владений, в которых жили их зависимые люди. В летописях XII в. неоднократно говорится о «боярских селах». В «Пространной Правде» упоминаются «тиуны» — лица, управлявшие хозяйством бояр, и работающие в этом хозяйстве зависимые люди — «рядовичи» (вступившие в зависимость по ряду — договору) и

«закупы».

К первой половине XII в. относятся и данные о появлении земельных владений и зависимых людей у церкви. Так, великий князь Мстислав, сын Мономаха, передал Юрьеву монастырю в Новгороде волость Буице с «данию и с вирами и с продажами». Таким образом, монастырь получил от князя не только земли, но и право собирать с живущих на ней крестьян дань в свою пользу, вершить над ними суд и взимать в свою пользу судебные штрафы. Тем самым игумен монастыря стал настоящим государем для живущих в волости Буице общинников.

Все эти данные свидетельствуют о том, что начался процесс превращения старших дружинников древнерусских князей в феодалов-землевладельцев и формирования основных классов феодального общества — феодалов-землевладельцев и зависимых от них общинников.

Однако процесс становления новых социальных отношений находился в русском обществе XII в. лишь в самом зачатке. Новым отношениям было далеко до того, чтобы стать главным системообразующим элементом общественного устройства. Не только в это время, но и гораздо позже, в XIV—XV вв. большая часть земельного фонда находилась в руках государства, а большую часть средств приносили боярину не доходы от собственного хозяйства, а поступления от «кормлений» при управлении государственными землями.

Таким образом, становление новых, феодальных отношений в их наиболее типичной сеньориальной форме шло в древнерусском обществе гораздо более замедленными темпами, чем на западе Европы. Причину этого следует видеть в особо сильной сплоченности и крепости сельских общин. Солидарность и постоянная взаимопомощь соседей не могли препятствовать начавшемуся разорению общинников в условиях усиления государственной эксплуатации, но они способствовали тому, что это явление не приобрело сколько-нибудь широких размеров и лишь сравнительно небольшая часть сельского населения — «закупы» — находилась на землях дружинников. К этому следует добавить, что само изъятие сравнительно ограниченного по объему прибавочного продукта у сельских общинников было делом нелёгким, и, вероятно, неслучайно и князья, и социальная верхушка древнерусского общества в целом в течение длительного хронологического периода предпочитала получать свои доходы за счет участия в централизованной системе эксплуатации. В древнерусском обществе XII в. просто не было таких сеньоров, как на западе Европы, которые захотели бы отказать в повиновении государственной власти.

Ответ на вопрос о причинах политического распада Древнерусского государства следует искать в характере отношений между разными частями господствующего класса древнерусского общества — «большой дружины», между той ее частью, которая находилась в Киеве, и теми, в руках которых находилось управление отдельными «землями». Сидевший в центре земли

наместник (как показывает пример Ярослава Мудрого, наместника своего отца Владимира в Новгороде) должен был передавать в Киев 2/3 собранной дани, лишь 1/3 использовалась на содержание местной дружины. Взамен ему гарантировалась помощь Киева при подавлении волнений местного населения и при защите от внешнего неприятеля. Пока шло формирование государственной территории на землях бывших племенных союзов, и дружины в градах ощущали себя находящимися постоянно во враждебном окружении местного населения, которому силой навязывались новые порядки, такой характер отношений устраивал обе стороны. Но по мере того, как положение и княжеских наместников и дружинной организации на местах укреплялось и она становилась способной решать самостоятельно многие задачи, она все менее была склонна отдавать в Киев большую часть собранных средств, делиться с ним своего рода централизованной рентой.

При постоянном пребывании дружин в определенных градах у них должны были возникнуть связи с населением градов, в особенности градов — центров «волостей», в которых находились и центры местной дружинной организации. Следует учитывать, что эти «грады» часто были преемниками старых племенных центров, население которых обладало навыками участия в политической жизни. За размещением дружин в градах последовало появление в них «сотских» и «десятских», лиц, которые от имени князя должны были управлять городским населением. Во главе такой организации стоял «тысяцкий». Сведения о киевских тысяцких второй половины XI — начала IX в. показывают, что тысяцкие были боярами, принадлежавшими к близкому окружению князя. Одной из главных обязанностей тысяцких было руководить городским ополчением — «полком» во время военных действий.

Само существование сотенной организации вело к установлению связей между дружиной и населением центра «земли», те и другие были в равной мере заинтересованы в ликвидации зависимости от Киева. Член княжеского рода, желавший стать самостоятельным правителем, т.е. присвоить часть централизованного фонда государственных доходов, мог в этом отношении рассчитывать на поддержку и местной дружины, и городского ополчения. При господстве в Древней Руси XI—XII вв. натурального хозяйства, при отсутствии прочных экономических связей между отдельными «землями» не было каких-либо факторов, которые могли бы противодействовать этим центробежным силам.

Особые черты политической раздробленности в Древней Руси

Распад Древнерусского государства принял иные формы, чем распад Каролингской империи. Если Западно-Франкское королевство рассыпалось на множество больших и малых владений, то Древнерусское государство разделилось на ряд сравнительно крупных земель, устойчиво сохранявшихся в своих традиционных границах до самого монголо-татарского нашествия в

середине XIII в. Это Киевское, Черниговское, Переяславское, Муромское, Рязанское, Ростово-Суздальское, Смоленское, Галицкое, Владимиро-Волынское, Полоцкое, Турово-Пинское, Тмутараканское княжества, а также Новгородская и Псковская земли. Хотя территория, на которой жили восточные славяне, оказалась разделенной политическими границами, они продолжали жить в едином социокультурном пространстве: в древнерусских «землях» действовали во многом сходные политические институты и общественный строй, сохранялась и общность духовной жизни.

XII — первая половина XIII в. — время успешного развития древнерусских земель в условиях феодальной раздробленности. Наиболее убедительно говорят об этом результаты археологических исследований древнерусских городов этого времени. Так, во-первых, археологи констатируют значительное увеличение количества поселений городского типа — укрепленные крепости с торгово-ремесленными посадами. На протяжении XII — первой половины XIII в. количество поселений такого типа увеличилось более чем в полтора раза, ряд городских центров при этом был создан заново на незаселенных местах. Одновременно значительно расширилась и территория главных городских центров. В Киеве огражденная валами территория увеличилась почти втрое, в Галиче — в 2,5 раза, в Полоцке — вдвое, в Суздале — втрое. Именно в период феодальной раздробленности укрепленный «град»-крепость, резиденция правителя или его воинов в эпоху раннего Средневековья, окончательно превратился в «город» — не только место пребывания власти и социальной элиты, но и центр ремесла и торговли. На городских посадах к этому времени находилось уже многочисленное торгово-ремесленное население, не связанное со «служебной организацией», самостоятельно производившее изделия и самостоятельно торговавшее на городском торгу. Археологи установили существование на Руси в то время многих десятков ремесленных специальностей, количество которых постоянно увеличивалось. О высоком уровне мастерства древнерусских ремесленников говорит освоение ими таких сложных видов византийского ремесла, как изготовление смальты для мозаик и перегородчатых эмалей. Интенсивное развитие городов вряд ли было бы возможно без одновременного оживления и подъема хозяйственной жизни деревни. В условиях поступательного развития общества в рамках традиционных социально-экономических и социально-политических структур шел медленный, постепенный рост новых отношений, характерных для феодального общества.

Достаточно хорошо известны и негативные последствия, которые принесла с собой феодальная раздробленность. Это ущерб, который наносили древнерусским землям достаточно частые войны между князьями и ослабление их способности противостоять наступлению со стороны соседей. Эти негативные последствия особенно сказывались на жизни тех земель Южной Руси, которые граничили с кочевым миром. Отдельные «земли» уже

не были в состоянии обновлять, поддерживать и создавать заново систему оборонительных линий, созданную при Владимире. Положение усугублялось тем, что сами князья в конфликтах между собой обращались за помощью к восточным соседям — половцам, приводя их с собой на земли своих соперников. В этих условиях наметился постепенный упадок роли и значения южно-русских земель в Среднем Поднепровье — исторического ядра Древнерусского государства. Характерно, что в первых десятилетиях XIII в. Переяславское княжество было владением младших родственников владими́ро-суздальского князя Юрия Всеволодовича. Постепенно росли политическая роль и значение таких удаленных от кочевого мира регионов, как Галицко-Волынская и Ростовская земли.

ГЛАВА 5. ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

§ 1. Древнерусское общество XI—XII вв.

Административная структура и органы власти

Если в X в. большую часть лесной и лесостепной зоны Восточной Европы занимали подчиненные Киеву племенные территории, то в X—XII вв. им на смену пришли частично совпадавшие по своим очертаниям со старыми образованиями, частично образованные заново большие административные округа — «земли», называвшиеся по имени «градов» — их главных центров (Ростовская земля, Новгородская земля и др.). В известиях летописей XI—XII вв. живущие на таких территориях люди все чаще обозначались не по их принадлежности к племенному союзу, а по тому, с каким центром они были связаны (ростовцы, новгородцы и др.). И действительно, не принадлежность к племени, а подчинение определенному центру оказывало теперь воздействие на их жизнь.

Земли делились на более мелкие административные единицы, названия которых нам неизвестны, но их характер вырисовывается в источниках вполне определенно. В центре такого небольшого округа находилась крепость — град (чаще всего из деревянных срубов — «городен», наполненных камнями и землей). В нем находился посадник, представлявший здесь власть киевского князя (посаженный князем в этом граде). Посадник принадлежал к числу «старших» дружинников князя. Посадник должен был следить за состоянием укреплений града — опорного пункта княжеской власти, привлекать в случае необходимости население на работы по их ремонту, организовывать его оборону в случае нападения неприятеля. Вместе с посадником в граде находились княжеские дружинники

— «отроки», опираясь на которых посадник управлял сельским населением округа.

В граде посадник, сосредоточивавший в своих руках и военно-административную и судебную власть, вершил суд. Суд посадника охватывал достаточно широкий круг дел — не только уголовные преступления (убийства, членовредительства, кражи), но и ряд других дел (например, дела о наследстве, выплате долгов и др.). Суд был источником немалых доходов для княжеской казны: штраф, поступавший в пользу князя (вира, взимавшаяся за убийство, и продажа — за другие преступления), был значительно выше, чем возмещение потерпевшему. Часть судебных штрафов шла в пользу посадника и тех дружинников, которые помогали ему в проведении суда. Население должно было также снабжать кормом посадника и отрока, когда они объезжали округ для сбора судебных штрафов.

Посадники и отроки стремились разными способами увеличить этот источник своих доходов. Не случайно в предисловии к Начальному своду — летописному тексту, созданной в 90-х гг. XI в. в Киево-Печерском монастыре, княжие мужи обвинялись в том, что они собирают с людей «творимые» виры и продажи, т.е. искусственно возбуждают судебные дела ради получения штрафов. Злоупотребления судебной властью вызывали резкое недовольство населения, которое в отдельные моменты, когда по каким-то причинам отсутствовала верховная власть, могло прорываться с большой силой. Так, в Ростовской земле после смерти князя Андрея Боголюбского в 1174 г. «посадников и тивунов дома ограбиша, а самех избища, и детские его, и мечники, и дома их пограбиша, не ведущее глаголемого, идеже закон, ту и обид много». Последние слова летописного сообщения ясно указывают на причину волнений.

Судебная деятельность посадника прекращалась, когда в соответствующий град во время объезда страны прибывал глава государства — князь и сам вершил здесь суд. Такой объезд назывался по-старому «полюдьем». По свидетельствам летописей, древнерусские князья ездили в полюдье еще и в конце XII в. Но полюдье носило теперь совершенно иной характер, чем в X в. Конечно, дружинники, сопровождавшие князя, продолжали кормиться за счет населения, но главное содержание полюдья состояло теперь в том, что князь как верховный представитель власти вершил суд по делам, требовавшим его участия, принимал жалобы на действия своих подчиненных, решал различные вопросы управления.

Налоги и пошлины

Важнейшей обязанностью посадников и отроков было обеспечить сбор дани с населения. Сохранилось очень мало данных о системе налогообложения и размерах собиравшихся налогов. Средства, которые получались из этого источника, уже в начале XI в. были немалыми. В начале

X в. Ярослав Мудрый, как наместник своего отца в Новгороде, собирал здесь с Новгородской земли 3 тыс. гривен (1 гривна — кусок серебра весом в 50 г), но в эту общую сумму могли входить и отчисления от судебных штрафов.

Более конкретные данные содержит грамота 1136 г., написанная в связи с основанием епископской кафедры в Смоленске. По грамоте епископу передавалась десятая часть «всех даней смоленских». В грамоте перечислялось 28 округов с указанием размера десятины в пользу епископа. Размеры дани с отдельных округов колебались от 400 до 10 гривен, что говорит об отсутствии в Смоленской земле единообразной административной структуры, она, очевидно, складывалась стихийно под воздействием разных факторов. Общий размер дани со Смоленской земли, согласно этому документу, составлял 2250 гривен. Данью поступления в княжескую казну не ограничивались. Наряду с ней при объезде князем территории продолжало взиматься полюдье. Еще одним важным источником доходов были торговые пошлины («гостинная дань», «перевоз», «торговое», платежи «с корчмы» и др.). Сборщики таких пошлин — мытник и осмник упоминаются в источниках XII в.

В результате в руках князей скапливались весьма значительные средства. Так, в начале XII в. князь Глеб Всеславич Минский дал вкладом в Киево-Печерский монастырь 1100 гривен, во второй половине XII в. галицкий князь выплатил нанятым на военную службу польским отрядам 3000 гривен серебра.

Если дань исчислялась в гривнах — определенном количестве серебра, то это не означает, что она и уплачивалась серебром. В условиях раннего Средневековья с характерным для этого времени господством натурального хозяйства сбор с сельских жителей дани серебром был на практике малореальным, тем более что серебра на Руси не добывали. Известно, когда в середине XII в. один из князей действительно потребовал дани серебром, то ее собирали, «емлючи серебро изо ушью и с шии»¹. Реально поэтому большую часть дани составляли игравшие роль эквивалента денег шкурки пушных зверей, различные ремесленные изделия и продукты. На населении лежала обязанность доставлять все это на «княж двор». Эта повинность называлась «повозом». Такие дворы находились во многих местах, где постоянно стояли отряды дружинников и которые посещал князь во время объезда страны. На их территории размещались кладовые, амбары, хранилища вина и бортного меда, конюшни, бани, погреба и даже тюрьмы. Дворы эти были подчас весьма большими, как «великий Ярославль двор» в Киеве, на территории которого был в середине XII в. устроен рыцарский турнир (гостившие у князя Изяслава венгры организовали конный турнир).

¹ То есть снимая серебро из ушей и с шеи.

Система обеспечения дружины

Как использовались княжеской властью эти доходы? Часть из них использовалась для оплаты мастеров, руководивших работами по строительству крепостных сооружений, укладке деревянных мостовых, строительству мостов (сами эти работы были повинностью, лежавшей на населении), часть шла на оплату строительства церковных зданий (так, Ярослав Мудрый нанимал рабочих для строительства церкви Св. Георгия в Киеве). Расходов (и немалых) требовала отправка посольств в соседние страны. Главная часть доходов шла на содержание княжеской дружины — административного аппарата и главной военной силы Древнерусского государства. Немалые силы и средства расходовались на то, чтобы обеспечить боеготовность и высокий жизненный стандарт для дружинников.

К XII в. дружина уже давно перестала быть небольшим коллективом воинов, постоянно окружавших князя и питавшихся с ним у одного очага — огнища. Дружина XI—XII вв. представляла собой достаточно сложный организм. Она делилась на «старшую» и «младшую» дружину. Члены «старшей» дружины — «бояре» — были ближайшими приближенными и советниками князя, с ними в первую очередь князь «думал» о всех делах, решал наиболее важные вопросы. Бояр князь назначал и посадниками в градах, они ведали отдельными отраслями княжеского хозяйства. «Младшая» дружина состояла из рядовых воинов — «отроков» (или «детских»), которые, как уже отмечалось выше, были военной опорой власти посадников и помогали им в несении административных обязанностей.

Лишь небольшая часть дружинников находилась постоянно рядом с князем, большая же их часть располагалась отдельными отрядами в укрепленных градах по всей территории Древнерусского государства. В работах исследователей раннего Средневековья западнославянских государств такая дружина получила наименование «большой дружины» — это было уже большое войско, состоявшее из тысяч воинов. На территории градов у дружинников были свои дворы и семьи. Однако все эти перемены не сказались на характере отношений дружины и князя. Как и раньше, дружинники получали от князя коней, оружие и всё, что нужно для жизни.

Обеспечить целому войску высокий жизненный стандарт, сделать так, чтобы оно ни в чем не нуждалось и было постоянно готово к исполнению своих обязанностей, было для зарождающейся государственной власти сложной и трудной задачей. Продукты, собранные с сельского населения, использовались на пирах, которые посадники устраивали для дружинников в градах. Много, как и ранее, добывалось благодаря «далекой» торговле, прежде всего с Византией. Но не все растущие потребности дружинников можно было удовлетворить таким способом.

Эту задачу государственная власть попыталась решить, создав совокупность институтов, получивших в научной литературе название

«служебной организации». Характер этих институтов реконструируется при сопоставлении более поздних свидетельств русских источников с более ранними свидетельствами польских и чешских источников. Из подчиненного власти населения были выделены особые группы людей (как свободных, так и несвободных), наследственно прикрепленные к выполнению тех или иных «служб» для удовлетворения потребностей дружинников, за это им предоставлялись земельные наделы, свободные от уплаты дани.

Часть этого служилого населения занималась ловлей пушного зверя — важного предмета международной торговли (теперь только служилые люди могли этим заниматься) и охотой в охотничьих угодьях, где также не могли охотиться простые люди. Добытое на охоте поставлялось к столу дружинников. Особая группа людей занималась выпасом конских табунов, в которых выращивали для дружинников боевых коней. Значительная часть служилого населения располагалась в непосредственной округе градов. Это были люди, занятые приготовлением пищи и обслуживанием дружинников, а также мастера, изготовлявшие разнообразные нужные дружинникам изделия (от одежды, оружия и конской упряжи до разнообразных предметов, необходимых в быту).

Поскольку дружина была одновременно и аппаратом управления и главной военной силой государства, то организацию, созданную для обслуживания ее разнообразных потребностей, можно рассматривать как своеобразную форму «государственного» хозяйства, необходимую в условиях, когда в обществе господствовало натуральное хозяйство и отсутствовала сколько-нибудь развитая хозяйственная специализация.

Концентрация в предместьях градов ремесленного населения, обслуживавшего потребности дружины, имела важное объективное значение для последующего развития древнерусского общества. «Град»-крепость, местопребывание дружины, стал постепенно превращаться в «город»-поселение, в котором основным занятием значительной части жителей стали ремесло и торговля. Здесь же стали селиться торговцы, рассчитывавшие, что дружинники купят привезенные ими товары. В ряде статей «Пространной Правды» — нового кодекса законов, который в первой четверти XII в. сменил «Правду» Ярослава, уже фигурирует и «торг», как место заключения сделок, и купец — «гость», который отправляется в самостоятельные поездки ради получения прибыли.

Дружина — господствующая элита общества

Все сказанное позволяет сделать определенные выводы и о характере общественного строя Древней Руси в XI—XII вв. Господствующим классом древнерусского общества была дружина, в своем развитии уничтожавшая или включавшая в свой состав верхушку местного населения. Она осуществляла управление этим обществом, которое было объектом

коллективной эксплуатации с ее стороны. О силе ее власти над обществом наиболее показательно говорит тот факт, что определенные виды деятельности (например, ловля дорогих пушных зверей) дружина смогла сделать монополией назначенных ею лиц, в то время как простым людям такие занятия были запрещены. Такое состояние общества, когда основная масса населения — члены деревенских соседских общин — являлась объектом коллективной эксплуатации со стороны княжеской власти, опиравшейся на дружину, есть основания оценивать как особый, характерный для эпохи раннего Средневековья вариант «государственного феодализма».

Особенность положения дружинников заключалась в том, что, резко отличаясь от окружающего населения и своим положением в обществе, и всем своим образом жизни, в правовом отношении они не были четко от него отделены. «Правда Ярослава» устанавливала за убийство рядового дружинника такой же штраф — в 40 гривен, как за убийство обыкновенного свободного человека. Лишь жизнь «старших» дружинников ограждалась двойным штрафом. Однако за дружинника виру платил князь, а обыкновенный свободный должен был выплачивать ее сам, что на практике могло приводить к его полному разорению, если бы не поддержка членов общины.

Князь и дружина

Как уже отмечалось, все добывавшиеся в обществе доходы стекались в руки князя, который был физическим воплощением государства, и он играл решающую роль в их распределении между дружинниками, которые не имели каких-либо других источников доходов. Это, однако, не означало, что князь был по отношению к дружине ее полновластным господином и мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Если дружина зависела от князя, то и князь зависел от дружины — без дружины управлять обществом он не мог. Как и в более раннюю эпоху, князя и дружину связывал своего рода неписанный контракт: дружинник должен был верно служить князю мечом и советом, в случае необходимости жертвуя даже своей жизнью, а князь — советоваться с дружиной, принимая важные решения, не жалеть средств на содержание своих воинов и щедро награждать их за заслуги, давая им богатые подарки и поручая им управление градами.

Описывая деяния Владимира как своего рода идеального правителя, который должен служить образцом для своих преемников, древнерусский летописец подчеркивал, что Владимир любил дружину, «думал» вместе с ней «и о ратех и о уставе землянем», т. е. обсуждал с ней все важные вопросы внутренней и внешней политики и стремился удовлетворить все пожелания своих воинов. Так, однажды дружинники не захотели есть деревянными ложками, а потребовали серебряные, и Владимир поспешил удовлетворить

их пожелание.

Духовенство XI—XII вв.

Духовенство занимало в древнерусском обществе особо видное, почетное место как слой людей, обладающих особой связью с высшим, сверхъестественным миром, благодаря которой может быть обеспечено спасение и вечная жизнь всех остальных членов общества. В соответствии с предписаниями церковных канонов духовенство должно было подчиняться суду и руководству только церковных иерархов. Церкви принадлежала важная функция воспитания всего общества, включая и носителей высшей власти, в духе предписаний новой для этого общества христианской религии. Церкви принадлежал и суд по делам, связанным с нарушением этих предписаний.

Вместе с тем это идеальное положение, которым церковь формально обладала и которое делало ее одной из главных сил общества, не вполне соответствовало реальному положению церкви в древнерусском обществе. Большое значение имели особенности материального обеспечения церкви в первые столетия после крещения. Их определили главные черты социальной организации древнерусского общества.

Материальное обеспечение духовенства в эти годы было принципиально таким же, как обеспечение дружины: в пользу церкви поступала десятина от княжеских доходов. Так, Ярослав Мудрый, основав в Вышгороде под Киевом храм в честь первых русских святых Бориса и Глеба, приказал местному посаднику выделить этому храму «от дани... десятую часть». В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминался «устав, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших — имати пискупом десятину от дани, от вир и от продаж, что входит в княж двор всего». Еще и в XII в. эта десятина оставалась главным источником материального обеспечения церкви. В 1136 г. при основании епископии в Смоленске новая кафедра получила вместе с десятиной от смоленских даней лишь два села, несколько озер и сенокосных угодий.

Верхушка русского духовенства в XI в. в значительной мере состояла из приезжих греков, хорошо знакомых с порядками в Византийской империи, где церковь давно имела крупные земельные владения с большим количеством подданных. Однако греческие иерархи не смогли добиться того же в условиях существовавшего в Древней Руси общественного строя.

Это делало церковь зависимой от наделявшей ее доходами государственной власти. Кроме того, церковь, в особенности в XI — начале XII в., сильно нуждалась в поддержке государственной власти в борьбе с язычниками, которых в то время было достаточно много, особенно на севере Руси.

Зависимость эта находила свое выражение в том, что настоятелями

монастырей или приходских храмов, наделенных князем соответствующими доходами, становились прежде всего люди, угодные князю. Епископские кафедры также часто занимали либо духовные отцы князей, либо настоятели близких к княжескому двору монастырей. Попытки митрополита распорядиться епископскими кафедрами не имели успеха. Когда в 1185 г. митрополит Никифор II попытался поставить на ростовскую кафедру своего кандидата вопреки воле князя Всеволода Юрьевича, то «неволею великого Всеволода» (выражение летописи) он был вынужден поставить кандидата, предложенного князем.

Особенности положения церкви наложили отпечаток и на характер участия церковных иерархов в общественной жизни. Митрополитами, стоявшими во главе древнерусской церкви, были, как правило, греки, присылавшиеся из Константинополя. Некоторые из них были высокообразованными людьми, авторами богословских полемических сочинений, как, например, митрополит Ефрем, сидевший на кафедре в 50-е гг. XI в. Сохранился ряд посланий и наставлений митрополитов второй половины XI — начала XII в.: Георгия, Иоанна II, Никифора I, свидетельствующих об их усилиях внедрить в древнерусском обществе новые для него нормы христианской религии. И с этими выступлениями митрополитов приходилось серьезно считаться, хотя русские князья и не во всем следовали их указаниям: так, призывы митрополитов не заключать браки с семьями «латинских» правителей остались не услышанными.

Вместе с тем ни митрополит, ни епископы не пытались оказать воздействие на ход политических конфликтов, разрывавших древнерусское общество во второй половине XI — XII вв. Хотя они участвовали в урегулировании ряда политических конфликтов, но делали это по инициативе князей той или другой стороны. Иной характер носило участие в общественной жизни настоятелей ряда монастырей, более тесно связанных с русским обществом и остро реагировавших на междоусобные войны и бедствия, которые они приносили. В особенности это относится к Печерскому монастырю, основанному в середине XI в. в пещерах около Киева по инициативе подвижника Антония, вернувшегося с Афона и хотевшего, чтобы монастырь не уступал знаменитым центрам византийского монашества. Монастырь не располагал «златом» и «сребром», жизнь первых монахов в нем была бедственной, но в него принимали, не требуя от поступающих вклада. Благодаря Антонию, его преемнику на игуменстве Феодосию и их ученикам Киево-Печерский монастырь во второй половине XI — начале XII в. стал центром, оказывавшим важное духовное влияние на общественное сознание своих современников. Печерские старцы стремились к утверждению в жизни общества норм христианской морали, обличали несправедливость общественных порядков, боролись за прекращение княжеских усобиц.

Но не только печерские старцы обладали в то время большим

общественным авторитетом. Так, известно, что в 1128 г. игумен монастыря Св. Андрея Григорий, пользовавшийся большим авторитетом в Киеве, создав «собор иерейский», сумел предотвратить войну между сыном Владимира Мономаха Мстиславом и черниговским князем Всеволодом Ольговичем.

При рассмотрении положения общественных низов в их составе выделяются три неравные по численности и положению в обществе группы: торгово-ремесленное население города, «холопы»-рабы и крестьяне — члены объединений «соседей» — сельских общин.

Рабство (холопство) в древнерусском обществе

Рабство, существовавшее в смягченной форме еще у восточных славян в эпоху Великого переселения народов, стало получать все более широкое распространение, когда начались частые войны между племенами, сопровождавшиеся обращением в рабство иноплеменников. Первоначально рабы (древнерусские «холопы») были прежде всего предметом торговли, за них можно было получить различные материальные блага. Но постепенно владельцы рабов стали использовать их труд в своем хозяйстве. В XI—XII вв. появились и новые источники рабства, связанные с углублением социального неравенства. В рабство (холопство) стали продавать себя сами люди, не имевшие средств к существованию, в него стали обращать должников, неспособных выплатить долги, и преступников. Особенно много таких холопов было в княжеском — «государственном» — хозяйстве, прежде всего из их числа частично пополнялись, о чем уже говорилось выше, ряды служилого населения. Другая часть пахала землю под присмотром «сельских» и «ратайных» старост. Были свои холопы и у дружинников, в особенности у членов «старшей» дружины. Такие люди были слугами, сопровождавшими господина и выполнявшими его поручения, или были заняты трудом в его домашнем хозяйстве.

Холоп был полной собственностью господина (за его похищение уплачивался такой же штраф, как за украденное имущество), и господин нес ответственность за совершенные им проступки, если не хотел холопа выдать. Несмотря на единство правового статуса, реальное положение холопов было неодинаковым. Несвободные княжеские слуги, пользовавшиеся доверием князя, могли получить от него важные должности в княжеском хозяйстве и пользовались немалой властью и влиянием. Их положение резко отличалось от положения обычных холопов, занятых подневольным трудом в хозяйстве господина. По мере того как «старшие» дружинники стали создавать собственное хозяйство с зависимыми людьми, у них стали также появляться привилегированные холопы, управлявшие их хозяйством.

Среди населения, подчиненного власти социальных верхов, холопы составляли сравнительно немногочисленную прослойку, подавляющее его

большинство — это лично свободные люди — члены общин.

Население города

В положении населения города и сельских жителей было много общего. Население города образовывало большую самоуправляющуюся общину, во внутреннюю жизнь которой княжеская администрация не вмешивалась. Жители города, как и деревни, подчинялись суду посадников и должны были уплачивать дань в княжескую казну. Но их положение в обществе в некоторых отношениях существенно отличалось от положения сельских жителей. Городские ополчения составляли важную часть вооруженных сил государства, и в сложных напряженных ситуациях правитель-князь искал их поддержки.

Население города отнюдь не было покорной массой, готовой подчиняться любым решениям власти. Доказательством этого являются события, происходившие в Киеве в 1068 г. Население столицы было недоволено князем Изяславом Ярославичем, проигравшим сражение с половцами. Собравшееся на торгу вече киевлян требовало от князя оружия и коней, чтобы возобновить борьбу. Когда Изяслав отказал, киевляне освободили сидевшего в Киеве в тюрьме полоцкого князя Всеслава и посадили его на киевский стол, Изяслав бежал. Когда через несколько месяцев он вернулся с польским войском, а Всеслав бежал, бросив киевлян на произвол судьбы, горожане, собравшись на вече, заявили, что готовы принять Изяслава, если он отошлет польское войско, в противном случае они подожгут город и уйдут в «греческую землю». Князь был вынужден согласиться с этим требованием.

Чтобы подчинить горожан своему контролю и руководству, княжеская власть стремилась использовать деление городского населения на сотни. Сотни были ячейками их социальной организации, и одновременно из них формировались отряды, на которые делилось городское ополчение. Во главе сотен стояли сотские, а во главе всего объединения городских сотен — тысяцкий. В походе тысяцкий командовал городским ополчением. В конце 80-х гг. XI в. тысяцким Киева был киевский боярин Ян Вышатич, потом его сменил его брат Путята. Сотскими князь тоже стремился назначить своих людей. В рассказе о пирах Владимира Святославича сотские упоминаются как их участники вместе с княжеской дружиной.

Между сотскими и тысяцкими, назначенными князем, и простыми горожанами отношения не всегда складывались мирно. Когда в 1113 г. умер киевский князь Святополк Изяславич и в Киеве временно не стало правителя, киевляне напали на тысяцкого Путяту и сотских и разграбили их дворы. Волнения прекратились, лишь когда «лучшие мужи» поспешно призвали на киевский стол прославленного своими победами над половцами Владимира Мономаха.

Все это показывает, что управление городскими общинами было для княжеской власти серьезной проблемой и требовало от нее немалых сил и умения.

Сельская община раннего Средневековья

На территории, являвшейся объектом хозяйственной деятельности общинников, лишь небольшая часть была хозяйственно освоена и распахана; поселения располагались в наиболее удобных для земледелия местах, чаще всего — на террасных площадях речных долин. В этих условиях в жизни общинника охота, собирательство и промыслы играли гораздо большую роль, чем в более поздние времена. Крупные поселения были редкостью. По территории общины были разбросаны мелкие поселения из нескольких дворов. Более крупным поселением среди них был погост, где стояла приходская церковь. На погосте члены общины собирались для решения общих дел.

Община состояла из малых семей, каждая из которых самостоятельно вела хозяйство, обрабатывая земельный надел, примыкавший к ее поселению. Взрослые сыновья могли отделяться от отца, заводя самостоятельное хозяйство.

При большом количестве свободной земли сделать это было нетрудно. Хотя в «Пространной Правде» говорится о «малой» семье как нормальном, типическом явлении, это не означает, что это была единственная форма семейной организации. Судя по данным источников более позднего времени, достаточно широко распространена и такая семья, где неразделенные братья вели совместное хозяйство. Сохранение таких семей было связано с тем, что им было легче противостоять суровым климатическим условиям. В эпоху раннего Средневековья крестьянин, когда его надел переставал давать урожай, расчищал из-под леса новый участок с помощью соседей-общинников, что давало возможность на время поднять низкий уровень урожайности. С помощью общины осваивалась и степная целина. Однако то, что крестьяне обрабатывали свои окультуренные наделы самостоятельно, вовсе не исключало существования между ними и иных разнообразных прочных соседских связей. Всех членов общины объединяло совместное владение обширной не поделенной территорией, на которой лишь они могли пасти скот, охотиться на зверя, ловить рыбу, выделять в случае необходимости новые земельные наделы. Каждая община хорошо знала свои границы и упорно защищала их от посягательств соседей. В неблагоприятных природных условиях, которые существовали в Восточной Европе, взаимопомощь соседей была необходимым условием для сохранения отдельного крестьянского хозяйства. В отношениях с государственной властью одним из проявлений взаимопомощи было участие членов общины в выплате штрафов за преступление, совершенное одним из них. Совместно

выплачивалась и «дикая вира», когда преступление было совершено на территории общины, а преступник не был найден.

В своих интересах государственная власть использовала роль общины, как общественной ячейки низшего уровня, возлагая на нее коллективную ответственность за розыск и поимку преступников. Человек, по каким-то причинам оказавшийся за пределами своей общины, утративший поддержку товарищей, становился одиноким и беспомощным «изгоем» (изгнанником из общины). Такие люди одними из первых попадали в зависимость от княжеских дружинников.

Община раннего Средневековья существенно отличалась от объединения соседей более ранней эпохи тем, что она была подчинена власти государства в лице посадника близлежащего града и сопровождавшего его отряда дружинников. Как видно из сказанного выше, вмешательство власти в жизнь общины осуществлялось в трех разных формах. Во-первых, с членов общины требовали различные поборы и повинности в пользу государства. Во-вторых, в случае совершения достаточно серьезных проступков членов общины вызывали в находившийся на «граде» княжеский суд, где налагали на них значительные по размерам штрафы. В-третьих, из числа членов общины забирали людей, отличавшихся особыми познаниями в каком-либо деле, чтобы определить их в нужные государственной власти службы. Во внутренний распорядок жизни общины государственная власть не вмешивалась. Многие дела общинники по-старому решали между собой, не обращаясь в княжеский суд.

Главным видом хозяйства у восточных славян к XI—X вв. уже давно было земледелие. Неурожай зерновых становился причиной голода. Тягловой силой для обработки земли служила лошадь. Деревянные пахотные орудия были уже снабжены металлическими частями — железными наральниками и сошниками. Урожай собирали с помощью серпов, близких по форме к современным. Собранный урожай на юге хранился в зерновых ямах, на севере — в специально созданных для его хранения постройках или в скирдах на гумне. Для изготовления из зерна муки использовались жернова, а хлеб выпекался в печах на глиняных сковородках. Возделывался достаточно широкий ассортимент зерновых и бобовых культур. На протяжении раннего Средневековья характерная для эпохи раннего земледелия роль проса заметно уменьшилась. Главной зерновой культурой стала рожь. Количество семян ржи, найденных в раскопках на поселениях XIII в., равно общему количеству семян других зерновых культур: пшеницы, проса и ячменя.

В период раннего Средневековья восточным славянам были хорошо известны и главные огородные культуры: репа, капуста, морковь, лук, чеснок. Для обработки огородных участков использовались деревянные лопаты, лезвия которых часто оковывались железом, деревянные вилы и грабли. Вилы и коса с железным полотном использовались при заготовке

сена для скота.

Среди найденных археологами на поселениях костных останков домашних животных свыше 50% принадлежало крупному рогатому скоту. Он использовался главным образом для получения молока и молочных продуктов. Мясо коровы или быка редко присутствовало в рационе питания крестьянина, что резко отличало его от пищи дружинника. На мясо разводили свиней. Их кости занимают второе место среди костных останков, найденных археологами.

Найденные остатки костей, наконечники стрел, железные рыболовные крючки говорят о том, что в эпоху раннего Средневековья охота и рыбная ловля занимали в хозяйстве крестьянина достаточно заметное место.

Обнаруженные при раскопках остатки ткацких станов и пряслиц говорят о распространении ткачества. Жены крестьян сами изготавливали одежду для своей семьи. Они использовали льняные и шерстяные ткани, которые уже умели окрашивать в разные цвета, а для более теплой одежды — шкуры овец и диких животных.

На обширной территории Восточной Европы существовали первоначально два разных типа жилища. На юге был распространен тип, условно называемый «полуземлянкой», с полом, пониженным по отношению к поверхности земли, а также характерные первоначально для новгородско-псковского региона наземные жилища с полом на уровне земли или несколько поднятым над ним. В деревянных полуземлянках пол был земляным, иногда подмазанным глиной. В домах имелись печи двух типов — каменные и глиняные. Своды печей обычно не имели отверстий, и дым выходил из печи через топку. Крыша этих жилищ промазывалась глиной. В наземных домах пол был деревянным. Постепенно на большей части восточнославянской территории наземные дома вытеснили полуземлянки. Печь в этих домах ставили обычно рядом со входом. В темное время дом освещала лучина. Скот зимой размещался в хлевах, построенных рядом, а порой и в самом доме, который для этого разгораживался перегородкой, отделявшей помещение для семьи от помещения для скота. При недостатке корма зимой приходилось забивать молодых животных. Зимой же забивали свиней, коптили их мясо и заготавливали мясные изделия. «Колбаса» упоминается уже в берестяной грамоте XII в.

Фискальный гнет и разорение общинников. «Закупы»

Дани, поборы и разорительные штрафы, вызывавшие особенно резкое недовольство населения, способствовали усилению трудностей, с которыми сталкивалось крестьянское хозяйство в своей борьбе за существование с суровыми природными условиями. Именно с воздействием этого фактора, а не с процессами разложения общины, следует связывать появление в источниках второй половины XI—XII в. свидетельств, указывающих на

разорение части общинников. Некоторые из них, утратив всякие средства к существованию, чтобы спастись от голодной смерти, сами продавались в рабство. Другие, сохранив личную свободу, утрачивали свою самостоятельность и вынуждены были работать на чужой земле и в чужом хозяйстве. Одной из таких групп были «смерды». Сведения о них в древнерусских источниках скудны и противоречивы, поэтому вопрос о том, кто такие смерды, был предметом долгих споров между исследователями, не законченных до сих пор. Наиболее серьезно обоснованной представляется точка зрения, согласно которой смерды — это лично свободные крестьяне, посаженные на княжеской земле и занятые трудом в княжеском хозяйстве. Как часть княжеских людей, смерды находились под защитой князя, а в случае смерти смерда, не имевшего сыновей, его движимое имущество отходило князю. По мере усиления зависимости крестьянских общин от государственной власти в текстах, отражавших взгляды социальных верхов, смердами все чаще стали называть всех жителей деревни.

Другую группу таких разорившихся людей составляли так называемые закупы, ряд сведений о которых сохранился в «Пространной Правде». «Закупом» был обедневший, утративший средства производства крестьянин, который, чтобы обеспечить существование своей семьи, был вынужден брать у более состоятельного человека в долг коня, плуг, борону и «копу» (в ряде случаев стоит вариант «купу»). Под «копой», скорее всего, понимается большое количество необмолоченных снопов для посева. Таким образом, закуп работал в хозяйстве кредитора, на его земле, с его скотом и орудиями и по его сказаниям. Такой человек находился уже в определенной зависимости от господина, отрабатывая свой долг. Закуп сохранял еще ряд черт прежней свободы: закон запрещал господину посягать на его имущество, требовать возврата ссуды в повышенном размере, но при этом господин мог бить закупа «про дело», а за самовольный уход ему грозило превращение в раба.

Появление у княжих «мужей»-дружинников зависимых людей, поселенных на их земле и работавших на них, означало новый важный шаг в развитии древнерусского общества. Противостоящие друг другу социальные типы раннего Средневековья — княжеский дружинник и свободный общинник — входили в систему отношений, которую исследователи склонны определять, как «государственный феодализм», когда господствующий слой живет за счет распределения и потребления государственных доходов. Им на смену стали постепенно приходиться типы, характерные уже для развитого феодального общества: господин-феодал и сидящий на его земле зависимый крестьянин. На вторую половину XI—XII в. приходится лишь начальный момент в формировании этого общества, а ведущим типом остается общинник на государственной земле.